

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Евгений Вольф

«ТОЛЩА»

Евгений Вольф

Толща

«Автор»

2026

Вольф Е.

Толща / Е. Вольф — «Автор», 2026

Глубина 9500 метров. Абсолютная изоляция. И тайна, ради которой не жаль пожертвовать всеми. Глубоководная исследовательская станция «Мирный-12» — триумф инженерной мысли, бросивший вызов самой темной и неизведанной точке планеты. Но рутинная экспедиция превращается в клаустрофобный кошмар, когда со дна океана поднимают неизученный артефакт. Связь с поверхностью оборвана. В замкнутом пространстве среди экипажа стремительно расползаются первобытный страх и паранойя. И пока миллионы тонн ледяной воды испытывают на прочность титановый корпус, команда начинает осознавать страшную истину: главная угроза таится не во мраке за иллюминаторами. Смертоносный враг уже находится внутри. Запертым в подводной ловушке людям предстоит сделать невыносимый выбор. Это гонка со временем на грани человеческих возможностей, где на кону стоит не только выживание, но и правда, которая ни за что не должна увидеть свет.

© Вольф Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Вольф

Толща

ГЛАВА 1. ГИДРАВЛИЧЕСКИЙ УДАР

Девять тысяч пятьсот метров над головой — это не просто сухая, безжизненная цифра из учебника океанологии, которую школьники заучивают перед экзаменом. Это физическая величина, которую Дмитрий Петрович Кузнецов чувствовал каждой клеточкой своего тела: копчиком, затылком и каждой старой пломбой в челюсти, которая начинала ныть при малейшем изменении парциального давления. На такой глубине толща воды перестает быть привычной нам податливой жидкостью; она превращается в осязаемую, монолитную и бесконечно враждебную массу, которая только и ждет момента, чтобы найти в титановой скорлупе «Мирного-12» хотя бы одну, самую крохотную молекулярную слабину. Димыч, как называли его на станции последние три года, поправил старую, промасленную кепку и прищурился, вдыхаясь в рябящие мониторы. В центральном посту пахло озоном, разогретым пластиком и вечным, застоявшимся несвежим чаем. Этот запах давно стал для него родным, как запах старого гаража в его далеком подмосковном детстве, где он часами ковырялся в моторе отцовской «Явы».

Здесь, в герметичном коконе из титана и сложных композитов, каждый звук имел свое, почти сакральное значение. Мерное, усыпляющее гудение вентиляторов системы жизнеобеспечения, тихий, едва различимый писк датчиков давления, отдаленный стон гидравлических приводов. Димыч знал этот организм как свой собственный. Он слышал, когда один из внешних насосов начинал «сбоить», еще до того, как бесчувственная автоматика выдавала ошибку на главную панель. Сегодня станция вела себя тихо, даже слишком тихо. Океан снаружи казался мертвым, застывшим под колоссальным, многомиллиардным весом самого себя. Дмитрий Петрович перевел взгляд на датчик внешней температуры: четыре градуса Цельсия. За бортом царил вечная, абсолютная ночь, ледяная и равнодушная, способная раздавить человека в пыль быстрее, чем тот успеет осознать собственную смерть. Он снова посмотрел на джойстики, чувствуя привычное онемение в кончиках пальцев. Семнадцать лет в профессии, сотни погружений, но Марианская впадина всё равно вызывала у него подсознательный, животный трепет. Это было похоже на пребывание в утробе какого-то древнего, невообразимо огромного чудовища, которое пока еще — по какой-то своей прихоти — позволяет тебе дышать.

— Дима, возьми чуть левее. Еще три градуса, не больше, — голос Марины Викторовны Соколовой, главного биолога экспедиции, прозвучал прямо над его ухом, заставив Димыча вздрогнуть.

Она стояла слишком близко, нарушая его личное пространство, и Дмитрий Петрович отчетливо чувствовал тонкий, совершенно неуместный в этом стальном склепе аромат её цветочного крема для рук. Марина была девушкой волевой, сохранившей опасный азарт первокурсницы. На такой глубине это любопытство порой граничило с безрассудством. Она видела в бездне не угрозу, а бесконечную сокровищницу, и это раздражало Димыча, который привык относиться к воде как к хищнику, затаившемуся за пятисантиметровым слоем металла.

— Марина Викторовна, — Димыч не оборачивался, его пальцы ювелирно, почти на уровне рефлексов, подрагивали на джойстиках управления внешним манипулятором, — левее нельзя. Там базальтовый козырек, заваленный илом. Если я зацеплю гидравлику о скалу, мы будем выковыривать образцы голыми руками. А руки у нас, как вы заметили, не титановые. Посмотрите на эхолот, там же сплошная «каша», видимость почти нулевая из-за взвеси. Один неверный рывок — и мы оставим здесь правую «клешню» стоимостью в бюджет небольшого города. Нам и так пришлось трижды калибровать приводы после утренней смены.

— Еще три градуса, Дмитрий Петрович, я настаиваю, — повторила она, проигнорировав его ворчание с мягкой, но непробиваемой настойчивостью. — Там, под выступом. Видите? Датчик спектрометра выдает аномальное поглощение света. Там что-то есть, Дима. Что-то, что не вписывается в общую картину осадочных пород.

Димыч вздохнул, чувствуя, как в горле скапливается привычная горечь от бесконечного дешевого кофе. Он ненавидел, когда теоретики начинали учить его работать. На главном экране, в конусе холодного, мертвенно-белого света галогеновых прожекторов, плавал мутный ил. Впадина не любила гостей и постоянно пыталась спрятать свои секреты за взвесью, которая поднималась от малейшего движения. Но вот, в коротком просвете мути, показался край выступа. Димыч плавно перевел джойстик, компенсируя инерцию махины. Пот катился по его виску, затекая под воротник комбинезона, который уже давно стал ему второй кожей.

— Есть контакт, — буркнул он, когда стальной коготь манипулятора мягко, почти нежно, коснулся дна.

Вибрация передалась на рукоятку управления, и Димыч ощутил структуру грунта. Слишком твердый, слишком плотный для обычного ила. В кают-компании за их спинами было необычно тихо. Павел Игоревич Артемьев, акустик, сидел в наушниках, закрыв глаза и полностью погрузившись в мир ультразвуковых колебаний. Его лицо, бледное и осунувшееся, дергалось в такт ритмам океана. Командир Алексей Николаевич Данилов изучал навигационные карты, его суровый, высеченный из гранита профиль не выражал ни единой эмоции. Валентин Борисович Бобров, главный физик, мерил отсек шагами, заложив руки за спину и постоянно поправляя очки.

— Ну что вы там замерли? — Бобров остановился, его голос прозвучал резко, ломая рабочую тишину. — Кузнецов, мы теряем драгоценное время. Вы понимаете, что «Академик Страхов» там, наверху, сжигает тонны топлива, просто удерживая позицию над этой чертовой точкой? Каждая минута вашей нерешительности стоит государству миллионы.

— Валентин Борисович, если вы хотите поуправлять — милости прошу, садитесь, — Димыч кивнул на свое кресло, не отрываясь от монитора. — Только учтите, здесь нет кнопки «отмена». Одно неверное движение, и мы похороним всё оборудование в иле. На такой глубине скалы держатся на честном слове и колоссальном давлении. Вы сами рассчитывали коэффициенты, должны понимать риски.

Бобров фыркнул, но отошел. Димыч вернулся к работе. Манипулятор медленно огибал скалу. И вдруг свет прожектора выхватил нечто невероятное. Это был предмет. Идеально гладкий, черный, он выделялся на фоне рваных базальтовых скал, как жемчужина в куче дорожной пыли. У него были четкие, геометрически правильные грани. Предмет лежал в естественном углублении, словно его туда положили специально. Он не просто не отражал свет — он его поглощал, создавая ощущение абсолютной пустоты в пространстве. Димыч почувствовал, как по спине пробежал холодок. Природа не любит прямых линий, особенно на глубине десяти километров.

— О боже... — выдохнула Марина Викторовна, её пальцы впились в плечо Димыча. — Дима, это он. Объект номер четыре. Посмотрите на эту симметрию. Это не может быть природным образованием. Никакая эрозия не создаст такие грани.

— Выглядит как обычный булыжник, только очень старый и кем-то вымытый, — скептически заметил Димыч, хотя сердце забилось чаще. Предмет казался... чужим. Чем-то, чего здесь быть не должно. Он напоминал артефакт из душного фантастического романа, и это пугало своей физической реальностью.

— Это не булыжник, — подал голос Данилов, подходя ближе. Командир всегда появлялся бесшумно. — Бери его, Димыч. Максимально аккуратно. В четвертый бокс. Используй режим мягкого захвата. Мы не знаем плотности этой штуки, можем просто раскрошить её, если переборщим с давлением.

Димыч сосредоточился. Когда стальные пальцы сомкнулись вокруг черного предмета, по корпусу станции прошла едва заметная вибрация. Сервоприводы натужно взвизгнули — предмет оказался неожиданно, почти невозможно тяжелым. Датчики нагрузки на мгновение ушли в красную зону.

— Ого, — Димыч нахмурился, удерживая джойстик. — У него плотность как у платины или даже выше. Марина Викторовна, вы уверены, что это не кусок балласта с какого-нибудь древнего зонда? Или обломок чего-то, что упало с неба и пробило воду?

— Хватай и тащи, — отрезал Бобров. — Разберемся в лаборатории. Если это новый сплав — это сенсация. Если органика — это революция. Поднимай его в приемный шлюз, Кузнецов.

Димыч начал медленный подъем. Предмет плавно перемещался к шлюзу. Всё шло штатно. Настолько штатно, что Дмитрий Петрович на секунду позволил себе подумать о доме. Он вспомнил лицо жены, её теплые руки и то, как она недавно гладила свой округлившийся живот. «Еще пара недель, — подумал он. — Последний образец, и наверх. К свету». Он уже представлял шум подмосковных берез — звуки, которые здесь, в безмолвной бездне, казались галлюцинациями из другой, райской жизни.

В этот момент Паша-акустик внезапно сорвал с себя наушники. Его лицо мгновенно стало землистым, губы задрожали, а в глазах застыл первобытный ужас.

— Командир! — выкрикнул он, и его голос сорвался на неестественный, ломкий фальцет. — Слышите? Сверху!

— Что случилось, Артемьев? — Данилов резко обернулся. — Докладывай внятно!

— Сверху... — Паша побелел как полотно. — Это не шторм. Это звук металла! Трос! Он поет! Он натянулся до предела! Слышите этот свист в гидрофонах?!

Димыч не успел даже осознать сказанное. В следующую секунду привычная тишина впадины была разорвана визгом. Такой силы и частоты, что у Димыча из носа мгновенно брызнула кровь, а в ушах возникла острая, невыносимая боль. Стальной трос-кабель, связывающий их с поверхностью — десять километров сверхпрочного сплава — лопнул. Десять тысяч тонн натяжения высвободились в одну долю секунды. Кабель, превратившийся в гигантский бич, ударил по воде, создавая колоссальную ударную волну.

— Всем держаться! — успел крикнуть Данилов, но его голос мгновенно утонул в нарастающем грохоте.

Станцию накрыл гидравлический удар. Миллиарды тонн воды превратились в гигантскую кувалду. Димыча выбросило из кресла, как тряпичную куклу. Он летел через пост управления, видя в замедленной съемке, как Марина врежется в переборку, как разлетаются в пыль кружки с чаем. Затем последовал основной удар о грунт. Станция «Мирный-12» не перевернулась, она осела идеально ровно, но с такой силой, что титановые опоры впечатались в ил по самую обшивку. Корпус издал протяжный, мучительный стон деформируемого металла. Димыч почувствовал, как его тело ломает пластик и металл. Вспышка боли в ребрах заставила его провалиться в темноту.

Когда он открыл глаза, мир стал рыжим. Белый свет исчез, его заменило мертвенное свечение аварийных ламп. В нос ударил запах горелой изоляции, озона и крови. Наступила абсолютная тишина. Перестали гудеть насосы. Слышно было только, как где-то глубоко под полом с шипением стравливается воздух. Кап. Кап. Кап. Звук падающих капель казался оглушительным. Димыч лежал на полу, прижавшись щекой к холодному металлу. Перед глазами плыли красные пятна. Попытка вдохнуть отозвалась такой болью, что он едва не потерял сознание снова.

— Кто... кто живой? — хриплый голос Данилова донесся справа. Командир кашлял, и это был нехороший, влажный кашель.

— Я... кажется, да, — отозвалась Марина Викторовна. Она сидела в углу, её лицо было залито кровью из глубокого рассечения на лбу, но взгляд был пугающе ясным.

— Ноги... я не чувствую ног! — это был Паша. Парень лежал, придавленный рухнувшим стеллажом с оборудованием, его лицо было блее мела.

Димыч с трудом перевернулся на спину. Станция лежала идеально ровно. Никакого крена. Они были впечатаны в дно Марианской впадины. И тут он увидел его. Доктор Андрей Сергеевич Токарев сидел в своем кресле. Он был единственным, кто успел пристегнуться ремнями до катастрофы. Он сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и в этом рыжем свете его лицо казалось маской из слоновой кости. Пока все стонали или кричали, Доктор молчал. Его лицо выражало странную, почти пугающую сосредоточенность. В нем не было страха — только предельная готовность к действию.

— Андрей Сергеевич... — простонал Димыч. — Доктор... помогите Паше... он придавлен...

Токарев медленно, очень плавно повернул голову. Его глаза были спокойными, как застывшая вода. Он не суетился. Он был первым, кто взял себя в руки, и это спокойствие было почти оскорбительным на фоне их боли.

— Тише, Дмитрий Петрович, — голос Доктора был ровным и негромким. — Не тратьте кислород на крики. Нам предстоит очень тяжелая работа. Паника — это роскошь, которую мы больше не можем себе позволить.

Он отстегнул ремни. Движения Токарева были безупречными, словно он тренировался действовать в таких условиях всю жизнь. Пока станция стонала под чудовищным давлением океана, Доктор встал и подошел к своей сумке. Достал фонарик, щелкнул выключателем. Узкий луч света разрезал полумрак, выхватив бледное лицо Данилова.

— Мы на дне, Алексей Николаевич, — произнес он, обращаясь к командиру. — Трос не просто оборван, он вырван с мясом. Связи нет. Питание на аварийном контуре. Мы в полной изоляции.

— Мы всплывем... — прохрипел Данилов, его голос дрожал. — Аварийный сброс балласта... Димыч, дотянись до рычага... Механика должна сработать... мы не можем здесь гнить...

Димыч, преодолевая вспышки боли в ребрах, пополз к консоли. Вот он, ярко-оранжевый рычаг аварийного сброса. Это был их последний шанс. Сбросить тонны свинца и, как пробка, вылететь на поверхность. Подальше от этой давящей темноты.

— Не трогай его, Дмитрий Петрович, — голос Доктора остановил его за мгновение до касания.

Димыч замер. Токарев стоял рядом, освещая его лицо фонарем.

— Почему? Мы должны рискнуть! Это единственный путь!

— Потому что вы все умрете еще до того, как станция пройдет первую тысячу метров подъема, — спокойно и веско ответил Токарев.

Димыч застыл с протянутой рукой, не понимая.

— О чем вы... О чем вы говорите, Андрей Сергеевич?

— Слушайте меня очень внимательно, — Доктор перевел луч света на Данилова, затем на Марину, заставляя их слушать. — Мы находимся на глубине десяти километров. Наше тело сейчас — это сложная биологическая система под экстремальным внешним прессом. Станция держит давление, но химический состав нашей крови уже изменился. Если мы сейчас дернем рычаг и начнем бесконтрольный, стремительный подъем, произойдет то, что в медицине называется взрывной декомпрессией. Азот в вашей крови, сжатый сейчас, закипит мгновенно. Ваше сердце, легкие, сосуды мозга — всё превратится в кровавую пену. Вы не доживете до поверхности. Вы просто взорветесь изнутри, как перекачанные шины. Я как врач не могу позволить вам совершить этот акт коллективного самоубийства.

— Но у нас есть барокамеры! — выкрикнул Бобров, пытаясь спорить.

— Которые запитаны от основной сети, которая сейчас мертва, — отрезал Доктор. — Кроме того, посмотрите на датчики. Мы глубоко осели в ил. По законам физики, попытка

резкого отрыва в такой ситуации создаст вакуумный эффект под днищем. Корпус может просто схлопнуться внутрь, как пустая пивная банка под сапогом. Мы замурованы, и это парадоксально, но именно это сейчас сохраняет нам жизнь. Любая попытка всплытия сейчас — это смерть. Нам нужно ждать.

В кают-компании воцарилась тяжелая тишина. Паша в углу продолжал тихо скулить, вцепляясь пальцами в металл.

— Значит, мы просто будем здесь сидеть? — Марина Викторовна вытерла кровь с лица. — Ждать, пока у нас кончится воздух и мы тихо уснем?

— Мы будем ждать, пока шторм наверху утихнет и спасатели смогут спустить глубоководный колокол, — произнес Токарев, его голос внушал странную, почти религиозную уверенность. — По моим расчетам, это займет около двух недель. Столько нам нужно продержаться. Не больше и не меньше.

Он посмотрел на свои наручные часы, будто сверяя график.

— Время четырнадцать тридцать бортового времени. Елена Дмитриевна, вы живы? Ответьте мне.

Из темноты дальнего угла раздался сухой, лающий кашель. Елена Дмитриевна Громова, техник по системам жизнеобеспечения, медленно поднялась на ноги, держась за вывихнутую руку.

— Жива, Андрей Сергеевич. Рука... кажется, плечо вылетело. Но я в сознании. Могу работать.

— Оцените состояние регенерации воздуха, Елена Дмитриевна, — распорядился Доктор. — Это сейчас наш главный приоритет.

Елена подошла к щиту управления, её лицо исказилось от боли, но она сумела открыть панель.

— Основной электролиз мертв, — глухо сказала она через минуту. — Выбило главную шину питания при ударе. Мы дышим на химических поглотителях и резервных кассетах. При таком составе экипажа... если мы будем соблюдать режим покоя... нам хватит воздуха дней на двенадцать. Может, на четырнадцать, если Доктор введет нам седативные. Но если мы начнем паниковать и метаться — срок сократится до недели.

— Значит, у нас есть двенадцать дней, — попыток Токарев. Его спокойствие начало действовать на Димыча как наркоз, парализуя страх и заменяя его тупой покорностью. — Дима, хватит сидеть. Помогите мне перенести Павла Игоревича в медблок. Данилов, ваша задача — проверить герметичность всех переборок вручную. Бобров, помогите Елене Дмитриевне с питанием. Нам нужен свет, хотя бы минимальный.

— А как же Артефакт? — подал голос Бобров. Физик стоял, привалившись к стене, его глаза лихорадочно блестели в темноте. — Объект номер четыре! Посмотрите на него!

В центре отсека лежал черный предмет. В рыжем свете аварийных ламп он казался еще чернее, чем раньше. И он пульсировал. Слабое, багровое свечение исходило из его недр, а в воздухе ощущался легкий, едва уловимый гул, от которого вибрировали кости.

— Это камень, Валерий Борисович, — мягко, почти ласково перебил его Токарев. — Просто очень тяжелый, очень странный камень. И сейчас он занимает место в нашей кают-компании. Не более того. Оставьте его в покое. Дима, бери Пашу за плечи. Аккуратно, у него может быть поврежден позвоночник.

Димыч подошел к Паше. Тот был в сознании, но его взгляд был направлен куда-то сквозь потолок станции, туда, где за километрами ледяной воды бушевал шторм, решающий их судьбу.

— Димыч... — прошептал акустик, его губы были почти синими. — Я слышу его... Он больше не поет. Он ждет.

— Кого, Паш? Всё нормально, парень. Сейчас Доктор вколет тебе обезболивающее, и всё пройдет. Слышишь? Мы выберемся.

— Океан. Он не снаружи, Димыч. Он уже здесь. Он просачивается в наши мысли... Он шепчет, что мы зря его разбудили. Слышишь, как он давит на виски? Это не вода, Димыч. Это тишина. Она голодная.

Димыч ничего не ответил. Он чувствовал, как от ужаса у него самого перехватывает горло. Он тащил Пашу по ровному, холодному полу, мимо пульсирующего черного камня, который казался теперь зловещим глазом бездны, наблюдающим за их агонией. Он старался не смотреть на Доктора, который шел впереди с фонарем, освещая путь во тьму коридоров.

Над ними были миллиарды тонн воды. «Толща», которая теперь стала их единственной реальностью. И где-то там, в этой рыжей полутьме, начался эксперимент, о котором они еще не знали. Эксперимент, в котором само выживание было лишь побочным эффектом, а настоящей целью была глубина человеческого распада под давлением бездны. Димыч бросил последний взгляд на монитор, который еще светился. Там, в вечной темноте за бортом, медленно оседал ил, скрывая место их погребения. Бездна закрыла за ними двери. Теперь их было семеро — и Токарев был единственным, кто, казалось, знал, как заставить их прожить эти две недели. Или он просто очень хорошо умел притворяться, что знает. В любом случае, выбора у них больше не было.

ГЛАВА 2. МЕРТВЫЙ ЭФИР

Боль перестала быть просто физиологическим сигналом организма о повреждении тканей. На глубине девяти с половиной тысяч метров, в сдавленной титановой капсуле, лишённой солнечного света, боль эволюционировала. Она обрела собственный извращенный разум, свой безжалостный пульс и свою пугающую, многоуровневую архитектуру. Для Павла Игоревича Артемьева, старшего акустика глубоководной исследовательской станции «Мирный-12», она стала новой, единственной и абсолютно непререкаемой реальностью, вытеснившей все остальные чувства. Она не приходила волнообразными приступами, как это сухо описывают в академических медицинских справочниках. Она стояла внутри него монолитным, раскалённым добела стальным столбом, прошивая хрупкое человеческое тело от раздробленных костей таза до самого затылка, заставляя виски мучительно пульсировать в такт аварийным красным маякам, которые теперь оставались единственным источником света в обесточенном жилом модуле.

Когда Дмитрий Петрович и Доктор Токарев, надрываясь и скользя по залитому техническими жидкостями полу, вытаскивали его из-под рухнувшего массивного стеллажа с серверным оборудованием, Паша не кричал. Его голосовые связки были намертво парализованы первобытным, животным ужасом, сковавшим легкие. Он только жалко хрипел, выплевывая на холодный, покрытый инеем рифлёный пол капли розовой, насыщенной кислородом пены — прямое следствие тяжелой баротравмы, вызванной резким, взрывным скачком давления в отсеке при ударе многотонной станции о твердый донный грунт. В те бесконечные, растянувшиеся в вечность минуты, пока его тащили по усыпанному битым пластиком, стеклом и вырванными с корнем проводами коридору в медицинский блок, Паша раз за разом проваливался в спасительную, вязкую черноту беспомощности. И в этой густой, как нефть, темноте его профессионально натренированный мозг продолжал маниакально воспроизводить тот самый звук, навсегда разделивший его жизнь на короткое «до» и бесконечное «после». Это был далеко не просто металлический скрежет. Это был пронзительный, вибрирующий на грани ультразвука визг лопающегося десятикилометрового стального троса. Свист, стремительно переходящий в тяжелый инфразвуковой гул, который вибрировал не в барабанных перепонках, а резонировал прямо в костном мозге. Это был предсмертный, полный отчаяния крик огромного стального зверя, разрыв пуповины, связывавшей их команду с теплым, залитым солнцем

миром живых. А затем последовал сокрушительный удар, выбивший из легких остатки воздуха, и наступила тишина. Вакуумная, тяжелая, как гранитная могильная плита, абсолютная тишина океанской бездны, которая равнодушно проглотила их станцию, даже не поперхнувшись.

Когда Павел, преодолевая тошноту, снова открыл глаза, первое, что он увидел, был абсолютно белый, стерильный потолок медицинского отсека. Но он больше не был безупречным и вселяющим надежду. В мерцающем, неверном, постоянно дрожащем свете единственного чудом работающего дежурного плафона Паша с ужасом разглядел на некогда идеальной эмали тонкую, извилистую сеть микротрещин. Они хищно расплзались от выгнутой наружу вентиляционной решётки, напоминая чёрную, растущую на глазах ядовитую паутину. Эти трещины были самым наглядным, неоспоримым доказательством того, что «Мирный-12», безоговорочная гордость отечественной инженерной мысли, сейчас находился далеко за пределами своего расчетного конструктивного запаса прочности. Титановая станция, созданная с многократным запасом надежности, способная в теории выдерживать чудовищное давление в тысячу атмосфер, превратилась в хрупкую, надломленную яичную скорлупу, готовую в любую долю секунды хрустнуть и смяться под невообразимым, астрономическим весом миллиардов тонн ледяной солёной воды.

Паша попытался пошевелиться. Это был глубоко инстинктивный, подсознательный порыв — сбросить с себя давящее мертвое оцепенение, убедиться, что он все еще контролирует собственное тело. Но нижняя половина туловища мгновенно ответила такой ослепляющей, выжигающей нейроны вспышкой агонии, что он невольно, до хруста в позвонках, выгнулся дугой над койкой. Крик, так долго застрявший в пересохшем горле, наконец вырвался наружу — хриплый, жалкий, сорванный, больше похожий на предсмертный скулёр забитой собаки. Он впился зубами в собственную нижнюю губу с такой животной силой, что во рту мгновенно разлился тёплый, солоновато-железный вкус свежей крови. Воздух в медицинском блоке был неестественно, мертвенно, пронизывающе холодным. Основные системы климат-контроля и жизнеобеспечения отключились вместе с главным реакторным питанием, и теперь температура внутри изолированных отсеков стремительно падала, готовясь сравняться с забортным абсолютным холодом. Воздух имел плотный, почти осязаемый вкус жжёной полимерной изоляции, разлитого гидравлического масла, озона от замкнувших электроцепей и отчетливый, тошнотворный металлический привкус чужой пролитой крови.

— Лежите смирно, Павел Игоревич. Я настоятельно не рекомендую вам делать глупости и тратить силы, — голос Доктора Андрея Сергеевича Токарева прозвучал откуда-то из густой, непроницаемой тени в самом дальнем углу отсека.

Голос был удивительно мягким, ровным, с привычной, годами выработанной успокаивающей врачебной интонацией. Но сейчас за этой бархатной ширмой скрывалась холодная, стальная непреклонность человека, который полностью контролирует ситуацию. Токарев стоял у металлического хирургического стола, методично и с пугающей врачебной педантичностью обрабатывая свои длинные, бледные пальцы сильным антисептиком из резервных запасов. Резкий, бьющий по обонятельным рецепторам запах медицинского спирта на мгновение перебил все остальные тревожные ароматы разрушения. В неверном, пульсирующем свете аварийных красных ламп фигура врача казалась единственным непоколебимым островком строгого порядка в наступившем первобытном хаосе.

На левом рукаве его безупречно чистого, выглаженного медицинского комбинезона тускло поблескивала вышитая серебряной нитью официальная эмблема экспедиции — скрещенные крылья и стальные оси на фоне стилизованной океанской волны. Раньше этот символ на плече каждого члена экипажа внушал Паше спокойную, непоколебимую уверенность в торжестве и мощи человеческого разума над слепой стихией. Теперь же, в свете развернувшейся

катастрофы, сталь этих осей казалась ему безнадежно погнутой, а гордые крылья — жестоко подрезанными под самый корень беспощадным, равнодушным давлением древнего океана.

— Доктор... — Паша с колоссальным трудом разлепил пересохшие, потрескавшиеся губы. Он попытался сглотнуть, но вязкая, горькая слюна ощущалась в воспаленном горле как крупнозернистая наждачная бумага. — Я слышал... я слышал, как он пел. Трос. Перед тем как всё окончательно оборвалось. Словно само небо над нами треснуло пополам и обрушилось вниз.

— Металлическая усталость имеет свой специфический, строго выверенный законами физики акустический почерк, — Токарев медленно, неслышным шагом подошел к металлической кровати. Его бледное лицо было абсолютно спокойным, почти безмятежным, лишенным малейших признаков паники. — Вы акустик, Павел. Ваше прямое профессиональное дело — слышать то, что не видят, не понимают и не замечают другие. Это ваша профессиональная деформация, ваш уникальный навык. Но именно сейчас вам нужно полностью отключить этот канал восприятия. Сосредоточьтесь исключительно на своем дыхании. Вдох — выдох. Максимально экономьте себя, каждый миллиграмм потребляемого кислорода сейчас на строжайшем счету.

Токарев низко склонился над ним, внимательно проверяя надежность креплений пластиковой капельницы. Его ровный голос монотонно гудел, убаюкивая измученное сознание парня.

— Мы ввели вам в вену очень мощный синтетический анальгетик, чтобы надежно купировать разрушительный болевой шок. Но не обольщайтесь иллюзиями, Павел. Это лишь временная, химическая завеса для вашего мозга. У вас сложнейший, множественный осколочный перелом обеих большеберцовых костей и обширный, крайне опасный краш-синдром нижних конечностей. В любых нормальных условиях на поверхности я бы немедленно погрузил вас в глубокую искусственную кому и начал операцию. Но в условиях нашего тотального энергодефицита и полного отсутствия стерильной операционной среды, я физически не могу этого сделать, не убив вас. Вы должны оставаться в сознании. Вы должны терпеть.

Доктор начал первичный пальпаторный осмотр. Его пальцы, остававшиеся холодными даже сквозь тонкий защитный латекс перчаток, уверенно двигались по изувеченным, опухшим ногам Павла с такой механической, отстраненной точностью, будто он хладнокровно препарировал мертвую лягушку на лабораторном столе. Паша до побеления суставов вцепился руками в холодные металлические поручни койки. Он неотрывно смотрел в потрескавшийся белый потолок, гипнотически вглядываясь в хаотичный танец пылинок в узком луче тактического фонаря, и изо всех оставшихся сил старался отделить свой рассудок от того кромешного ада, что происходил сейчас ниже его пояса. Фантомный, невыносимый, пульсирующий жар плотно окутывал его изломанное тело, словно обе ноги по самые колени опустили в чан с раскаленными древесными углями. В медицинском блоке постепенно становилось всё тише и тише. И эта нарастающая тишина была глубоко неправильной, противоестественной, больной. Больше не гудели спасительные насосы. Был слышен только очень далекий, низкий, утробный стон самого титанового корпуса, который медленно, микрон за микроном, деформировался и проседал под колоссальным, не поддающимся осмыслению давлением.

Внезапно в искореженном дверном проеме возникла темная, массивная фигура капитана Алексея Николаевича Данилова. В тусклом, кровавом свете аварийных ламп командир выглядел страшно постаревшим, словно за час прожил десять тяжелых лет. На его высоком лбу зияла грубо и наспех перевязанная, всё еще кровоточащая рваная рана. Густая кровь запеклась на его небритых щеках черной, пугающей коркой. За его правым, опущенным плечом стоял бортинженер Дмитрий Петрович Кузнецов — Димыч. Инженер постоянно, с болезненной гримасой потирал свои сломанные ребра, его дыхание было пугающе коротким, свистящим, полным скрываемой боли. В здоровой руке Димыч судорожно, до дрожи в пальцах сжимал портатив-

ный диагностический терминал, разбитый экран которого мелко мерцал холодными синими бликами.

— Как он? Жить будет? — коротко, по-военному рублено спросил Данилов. Голос капитана неузнаваемо охрип и стал сухим, надтреснутым.

— Пациент стабилен, Алексей Николаевич. Насколько слово «стабильность» вообще применимо в нашей текущей катастрофической ситуации, — ровно ответил Токарев, даже не соизволив обернуться к вошедшим. — Но самостоятельно ходить он не будет. Ни завтра, ни через месяц интенсивной терапии. Сейчас моя главная и единственная задача — избежать стремительного некроза размозженных тканей и последующей жировой эмболии, которая может гарантированно убить его гораздо быстрее, чем банальная нехватка кислорода в отсеках.

Токарев на секунду замолчал, аккуратно укладывая инструменты в металлический лоток, и добавил с леденящей кровью, абсолютной невозмутимостью:

— Если мы вообще когда-нибудь снова будем иметь возможность ходить по какой-либо твердой поверхности, разумеется.

Данилов помрачнел еще больше, его тяжелые челюсти нервно сжались. Он медленно, прихрамывая, подошел к кровати Паши и тяжело положил свою широкую, мозолистую ладонь ему на вздрагивающее плечо. От капитана резко, почти одуряюще пахло крепким табаком, застарелым потом и едким машинным маслом — знакомыми, успокаивающими запахами нормального человеческого мира, который теперь остался бесконечно, недостижимо далеко наверху.

— Паша. Слушай меня предельно внимательно, сынок, — Данилов наклонился совсем близко, заглядывая измученному акустику прямо в расширенные от наркотика глаза. — Ты наш единственный, слышишь, последний шанс связаться с «верхом». Вся внешняя радиосвязь окончательно мертва. Оптоволоконный кабель вырван с мясом. Аварийные спасательные буи намертво заклинило в деформированных шахтах, они не отстрелились. Мы абсолютно слепы и немы для всего мира. Но у нас остались донные гидрофоны. Димыч только что говорит, что внешняя акустическая система «Мирного» чудом, но частично уцелела при ударе. Это всё, что у нас осталось из арсенала. Если судно обеспечения «Академик Страхов» всё еще болтается там, на поверхности... они обязательно будут искать нас. Они будут непрерывно посылать мощные гидроакустические пинги в надежде получить хоть какой-то отраженный отклик. Ты лучший, самый чуткий слухач во всем нашем институте, Паша. Ты сможешь их услышать? Сможешь отфильтровать и отличить их искусственный сигнал от естественного шума океана?

Паша медленно, с усилием закрыл отяжелевшие глаза. В его ушах всё еще монотонно стоял высокий, сводящий с ума пульсирующий звон. Но отчаянные слова капитана все-таки проникли сквозь густую наркотическую пелену. Работа. Его сложная аппаратура. Это было его единственным прочным якорем за реальность. Работа делала его нужным команде. Работа давала ему законное право дышать этим стремительно тающим воздухом.

— Я... я обязательно попробую, командир, — прошептал Паша, собирая волю в кулак. — Если моя главная рабочая консоль вообще подает хоть какие-то признаки жизни. При таком колоссальном ударе о скалы все внешние датчики на корпусе должно было просто срезать под ноль.

— Димыч её лично проверил, — Данилов резко обернулся и бросил требовательный взгляд на инженера. — Питание на твой пост успешно подано по резервной аварийной шине в обход сгоревших реле. Мы жестко обесточили всё, что только можно было отключить. Ребята, поймите, нам критически, жизненно важно знать, что нас всё еще ищут. Если мы не услышим спасательных сигналов со «Стрхова» в ближайшие двенадцать часов, это будет означать только одно: нас официально посчитали погибшими и свернули активную фазу операции. Ты до конца понимаешь свою ответственность, Павел?

Доктор Токарев медленно, с достоинством выпрямился, педантично поправляя свои круглые очки на переносице. В его внимательном взгляде промелькнуло холодное, профессиональное неодобрение.

— Алексей Николаевич, я категорически вынужден вмешаться в этот процесс. Мой пациент сейчас находится в тяжелейшем, пограничном шоковом состоянии. Его сердечно-сосудистая система и так работает на абсолютном пределе человеческих возможностей. Любая дополнительная психическая или физическая нагрузка именно сейчас может мгновенно спровоцировать фатальный инфаркт. Ему жизненно необходим полный, строгий медикаментозный покой.

— Доктор, раскройте глаза, у нас нет времени на роскошь покоя, — Данилов угрожающе выпрямился во весь свой немалый рост и посмотрел Токареву прямо в немигающие глаза. — Вы сами час назад сухо озвучили нам жестокую математику нашего выживания. У нас физически есть химические поглотители углекислого газа максимум на жалкие десять-двенадцать дней. И это только при условии, что мы будем тихо лежать трупами и не потреблять кислород. Если Паша не услышит эти пинги сейчас, пока у наших мертвых аккумуляторов еще есть остаточный заряд, то через десять дней его покой гарантированно станет вечным. Для всех нас, без исключения. Мы заперты в могиле, Андрей Сергеевич. Помогите Димычу аккуратно пересадить его в кресло. Это мой прямой приказ как командира.

Токарев молча, не моргая, смотрел на разъяренного Данилова долгих пять напряженных секунд. Его бледное лицо оставалось абсолютно непроницаемым манекеном. Затем он едва заметно, смиренно кивнул. Жесткая, бескомпромиссная военная логика выживания лоб в лоб столкнулась с холодной медицинской этикой, и человеческое сострадание явно проигрывало грубому, прагматичному расчету.

Вдвоем, стараясь не делать резких движений, Данилов и Кузнецов подняли обмякшее тело Павла и бережно пересадили его в старое инвалидное кресло. Пол станции лежал идеально ровно, без малейшего крена, но был густо покрыт тончайшим, невероятно скользким слоем ледяного конденсата и технического машинного масла, вытекшего из разорванных внутренних контуров. Из-за этого неповоротливые резиновые колеса кресла постоянно, предательски проскальзывали и стопорились на неровностях. Каждое, даже самое осторожное движение, каждый крохотный стук титановых плит под колесами немедленно отзывался в раздробленных костях Павла взрывными, ослепляющими ударами кузнечного молота. Он до крови закусил губу, чувствуя, как липкий холодный пот обильно заливает глаза, мешая смотреть.

Путь от лазарета до акустического поста показался Артемьеву бесконечным, мучительным спуском в ад. Коридоры родного «Мирного-12» изменились до неузнаваемости. Раньше, в прошлой жизни, они были щедро залиты ярким белым светом, наполнены уютным шумом работающих приборов и беззаботным смехом коллег. Теперь же станция изнутри напоминала гниющие внутренности мертвого, выброшенного на берег левиафана. Массивные титановые стены густо покрылись колючим инеем. Из выгнутых вентиляционных шахт ощутимо тянуло могильной сыростью и тяжелым, удушливым запахом глубоководной гнили — токсичный донный ил всё-таки просочился сквозь поврежденные фильтры. Освещение было тусклым, кроваво-рыжим, превращая измученные, осунувшиеся лица его товарищей в жуткие, гротескные театральные маски из фильма ужасов.

Они медленно миновали разгромленную кают-компанию. Паша с замиранием сердца скопил глаза в открытую настесь толстую гермодверь и невольно содрогнулся всем телом. Помещение было полностью уничтожено ударом. А в самом центре этого хаоса, в прямом луче одинокого, брошенного кем-то фонаря, неподвижно лежал он. Тот самый загадочный Артефакт. Объект номер четыре. Идеально гладкий, геометрически безупречный черный многогранник. Он лежал абсолютно неподвижно, но воспаленному сознанию Паши на долю секунды показалось, что он отчетливо видит слабую, ритмичную багровую пульсацию глубоко внутри

камня. Этот абсолютно черный предмет казался пугающим инородным телом, отравленной занозой, вонзившейся в самую ткань окружающей их реальности.

Когда тяжело дышащий Димыч наконец вкатил кресло в узкий акустический пост, Паша почувствовал очередной прилив жгучей тошноты. Это место долгие годы всегда было его безраздельным царством. Теперь же здесь царил перевозданный хаос. Главные широкие мониторы были разнесены вдребезги; повсюду на металлическом полу блестели россыпи осколков каленого стекла. Однако центральная, бронированная панель управления поистине чудом уцелела при падении. Она продолжала слабо, обнадеживающе светиться десятками тусклых янтарных и зеленых индикаторов.

— Я напрямую вывел сюда резервный информационный канал с донного массива, — глухо прохрипел Димыч, вплотную подкатывая кресло Паши к пульту. Инженер очень тяжело, со свистом дышал. — Слушай меня внимательно. Большую часть всех внешних чувствительных датчиков на верхнем корпусе оторвало под корень. Но наш нижний, бронированный донный массив уцелел. Толстый слой ила его только слегка присыпал, но не раздавил. Попробуй, парень. Сконцентрируйся. Если там, наверху, сейчас хоть что-то движется в воде... ты просто обязан это услышать. Вся наша надежда сейчас только на твои уши.

Павел медленно, преодолевая слабость в руках, надел свои огромные рабочие наушники. Кожаные амбушюры были отвратительно холодными и резко пахли чужим, липким страхом. Сначала не было абсолютно ничего. Только плотная, ватная, мертвая тишина. Первые несколько долгих секунд Паша слышал лишь свой собственный, загнанный пульс — пугающе громкий, гулкий стук густой крови в висках. Затем он привычным движением положил дрожащие пальцы на прохладные металлические верньеры и начал скрупулезно прочесывать эфир.

Спустя мучительную минуту сквозь фильтры в наушники пробился тяжелый белый шум бездны. Океан на такой глубине никогда не молчит. Паша отчетливо слышал бесконечный шуршащий звук — это миллиарды тонн мельчайшего ила медленно, неумолимо оседали на титановый корпус их станции, погребая её заживо в братской могиле. Он слышал очень далекие, инфразвуковые стоны земной коры и пугающий треск гигантских тектонических плит. Но всё это был лишь естественный «мертвый эфир». Природа. Никаких искусственных, рукотворных, ритмичных звуков механизмов. Никаких повторяющихся сигналов, которые должен был по протоколу посылать «Академик Страхов». Океан безжалостно поглощал абсолютно всё. Паша переключил тумблер на самый нижний диапазон, пытаясь уловить хотя бы слабую кавитационную вибрацию мощных корабельных винтов. Ничего. Бездна над ними была абсолютно, тотально пуста. Лишь редкие, протяжные щелчки глубоководных кашалотов издали напоминали о существовании биологической жизни. Но для запертых людей эта жизнь была недосыгаема.

— Ну что там? Не молчи, Паша, скажи хоть что-нибудь! — голос стоявшего сзади Данилова предательски дрогнул. Капитан затаил дыхание, боясь пошевелиться. Димыч тоже замер каменным изваянием, до белизны вцепившись пальцами в край металлического стола.

Паша не отвечал, по его лицу тек пот. Стиснув зубы до скрежета, он безжалостно выкрутил регуляторы звукового усиления до самого критического предела. В наушниках мгновенно зашипело с такой невыносимой силой, что звук стал физически болезненным, прорезая мозг. Он отчаянно, судорожно фильтровал фоновые шумы, ища хотя бы малейшую техническую аномалию. И вдруг...

Тук... Тук...

Паша оцепенел. Его занесенная над панелью рука мгновенно заледенела. Сердце в груди болезненно пропустило удар. Это был отчетливый звук металла о металл. Совершенно четкий. Явно искусственный. Но он пришел не сверху, не из многокилометровой толщи воды. Звук совершенно не затухал в жидкой среде. Напротив, он мощно резонировал в самой жесткой

силовой структуре их застрявшей станции. Он определенно шел изнутри их собственного корпуса.

— Командир... — едва слышно прошептал Паша, дрожащими руками стягивая наушники на шею. Его лицо стало мертвенно-бледным, как у недельного покойника. — Там... там кто-то есть. Прямо в четвертом отсеке. Глухо. Очень ритмично. Кто-то постоянно стучит.

— О чем ты вообще говоришь, Артемьев? Четвертый научный отсек затоплен и наглухо заблокирован двойными титановыми переборками! — Данилов резко, гневно нахмурился, а его правая рука произвольно легла на кобуру пистолета. — Мы отсекали его с пульта сразу после падения. Там физически не может находиться никого живого. Воздух оттуда полностью откачан автоматикой!

— Я предельно ясно слышу стук, Алексей Николаевич. Я не сумасшедший и не в бреде, — Паша с силой прижал тяжелые наушники обратно к ушам. — Ритмичный. Четкий. Как будто кто-то очень методично и сильно бьет тяжелым молотком по внутренней стороне закрытой переборки. Ровно один удар в три секунды. И знаете, что самое страшное... это не похоже просто на сухой звук металла... в этом жутком резонансе есть что-то еще. Как будто что-то немыслимо огромное, живое и мягкое раз за разом бьется о нашу сталь. Оно явно приближается к нашему внутреннему шлюзу.

Димыч и Данилов потрясенно обменялись полными ужаса взглядами. В изолированном, затопленном четвертом отсеке по определению не должно было быть ни единой живой души. Там располагалась только пустая лаборатория и приемный шлюз, через который они буквально перед аварией подняли Объект №4.

— Это самая обычная термодинамическая деформация критически поврежденного титанового корпуса, Павел, — очень мягко, успокаивающе произнес Доктор Токарев.

Он, оказывается, всё это время абсолютно бесшумно стоял в густой тени дверного проема, наблюдая за ними.

— Титан и сложные композиты остывают на такой глубине крайне неравномерно. Ледяной ил и острые скалы давят на образовавшиеся микротрещины, металл закономерно «стреляет». Это обычная, доказуемая физика, помноженная на твое тяжелое шоковое состояние и побочное действие введенных лекарств. Твой отравленный страхом мозг просто отчаянно пытается найти знакомые паттерны в хаосе. Успокойся и не поддавайся панике.

— Нет, Доктор. Вы абсолютно не понимаете. Вы просто не слышите то, что сейчас слышу я, — Паша яростно, до хруста в шее затряс головой. — Мертвая физика звучит совершенно иначе. А это... это похоже на разумный, направленный сигнал. Как будто кто-то или что-то стоит прямо там, за железной дверью, и очень, очень хочет, чтобы мы её сейчас открыли. Послушайте сами! Убедитесь!

Он резко сорвал с головы наушники и протянул их командиру, но Данилов не взял их. Капитан сурово, не моргая смотрел на красный индикатор давления четвертого отсека на боковой панели. Стрелка манометра мертво, неподвижно лежала на нуле, неопровержимо подтверждая, что никакой биологической жизни там быть не может. Ни слова не говоря, Данилов круто развернулся на каблуках и решительно вышел из акустического поста. Димыч, тяжело сглотнув, молча последовал за ним, на ходу вытаскивая со стенда тяжелый пожарный лом. Они целенаправленно направились к заблокированному сектору. Токарев задержался в дверях на несколько секунд. Он пристально смотрел на беспомощного Павла, и в его холодных глазах за стеклами очков не было ни тени человеческой тревоги за экипаж. Только холодный, расчетливый исследовательский интерес естествоиспытателя.

— Не стоит слушать эту тишину слишком долго и внимательно, Павел Игоревич, — негромко, почти ласково произнес Доктор. — У тишины на такой глубине есть скверное, разрушительное свойство начинать отвечать тем, кто пытается в неё глубоко вникнуть. И я очень боюсь, вам может совершенно не понравиться то, что она вам скажет в итоге.

Доктор плавно развернулся и бесшумно исчез во мраке коридора. Паша остался абсолютно один. Подчиняясь какому-то необъяснимому, гипнотическому любопытству, граничащему с безумием, он снова медленно надел наушники на голову. Гул океана в динамиках неумолимо нарастал. Он становился всё более тяжелым, плотным, физически давящим на мозг. И сквозь этот первобытный гул Паша снова, совершенно отчетливо услышал его.

Тук... Тук... Тук...

Но на этот раз пугающий звук изменился до неузнаваемости. Теперь это был далеко не просто механический стук. Это был неразборчивый шепот. Тысячи, десятки тысяч чужих голосов, сливающихся в один сплошной, монотонный, сводящий с ума поток. Этот поток невидимо просачивался сквозь непробиваемую титановую броню станции и тек прямо в его беззащитный мозг. Паша в панике хотел сорвать наушники, но его мышцы полностью отказали. Руки стали неподъемными, свинцовыми. Парализованный хтоническим страхом, он обреченно смотрел на монитор акустического спектра и ясно видел ярко, агрессивно пульсирующую багровую полосу. Она двигалась синхронно, точно в такт его собственному, загнанному сердцебиению.

И точно в такт невидимой пульсации того самого загадочного черного камня в соседнем отсеке.

Паша с ужасом почувствовал, как по его небритым щекам обильно катятся ледяные слезы. Он с кристальной ясностью осознал самую страшную, невыносимую истину: мертвая тишина бездны больше не находилась снаружи. Она была уже здесь, внутри. Она неумолимо заполняла его легкие вместо воздуха. И она была очень, невообразимо голодна.

Внезапно из кромешной глубины смежного коридора донесся истошный крик. Это был голос Димыча. Но это не был призыв о помощи или предупреждение. Это был животный, вибрирующий вопль чистого, первобытного, неконтролируемого ужаса. Звук, который может издать только взрослый человек, чей рассудок в одну короткую секунду безвозвратно сломался от увиденного.

Паша оцепенел, до крови впиваясь пальцами в жесткие подлокотники кресла. Стук и многоголосый шепот в его наушниках мгновенно, как по щелчку выключателя, прекратились. Вместо них в эфире наступила такая абсолютная, звенящая вакуумная пустота, что Павлу на долю секунды почудилось совершенно невероятное: он отчетливо, до мельчайших брызг услышал, как там, высоко на поверхности, разбивается о железный борт поискового судна единственная крохотная волна. Но это была лишь жестокая иллюзия его угасающего разума. Здесь, глубоко внизу, никаких волн больше не было и быть не могло. Здесь безраздельно правила только Толща. И она, наконец, подала на свой ледяной стол главное блюдо.

Артемьев сделал отчаянное, нечеловеческое усилие, попытавшись развернуть тяжелое кресло к выходу, но переднее колесо намертво, наглухо застряло в выбоине на искореженном полу. Он в панике дернулся всем телом, и ровно в этот самый момент тусклый свет в акустическом посту жалобно мигнул и полностью, безвозвратно погас. Пост мгновенно погрузился в первозданную тьму. Тьма была не просто банальным отсутствием света; она была невероятно густой, смоляной, физически осязаемой. Паша в ужасе перестал дышать. И в этой кромешной, давящей на глаза тьме, совсем рядом, буквально в сантиметре от своего левого уха, он вдруг ощутил легкое, ледяное дуновение воздуха. Кто-то неслышно стоял прямо за его спиной.

Родной, до щемящей боли в сердце знакомый женский голос — голос его любимой жены, которая осталась там, за тысячи непреодолимых километров отсюда, на залитой солнцем поверхности — нежно, с мольбой прошептал ему прямо в ушную раковину:

— Паш... Ну почему ты не открываешь нам дверь? Нам здесь так холодно...

ГЛАВА 3. ПАРАДОКС ДАВЛЕНИЯ

Крик взрослого, физически сильного мужчины, технического специалиста, отдавшего морю семнадцать лет своей жизни, звучит в замкнутом пространстве совершенно иначе, чем

крик испуганного человека на поверхности. В этом крике нет призыва о помощи, нет инстинктивного, заложенного природой ожидания спасения. Дмитрий Петрович Кузнецов не звал на подмогу. Его вопль, разорвавший густую, пропитанную запахами озона и крови тишину коридора, был чистой, дистиллированной акустической проекцией ломающегося человеческого разума. Это был звук, который издает психика, когда она на полном ходу, без малейших тормозов врывается в нечто, категорически отрицающее фундаментальные законы физики и биологии. Капитан Алексей Николаевич Данилов, находившийся всего в десятке метров позади инженера, мгновенно замер, инстинктивно пригнувшись, словно ожидая летящей в голову стальной шрапнели. Его правая рука молниеносно, повинувшись годами вбитой мышечной памяти, вырвала из поясной кобуры тяжелый аварийный пистолет. Это кинетическое огнестрельное оружие было абсолютно, тотально бесполезно против океана, против давления и против многотонных титановых переборок, но его холодная, ребристая рукоятка давала иллюзию контроля над ситуацией. Данилов рванулся вперед, тяжело припадая на ушибленную при падении ногу; его мощный тактический фонарь судорожно разрезал полумрак, выхватывая из плотной темноты клубы оседающей технической пыли и искрящие обрывки потолочной проводки.

Он нашел Димыча у самой гермодвери, ведущей в заблокированный четвертый научный отсек. Инженер сидел на корточках, плотно прижавшись спиной к холодной стене коридора, и мелко, безостановочно трясся, словно в тяжелом приступе лихорадки. Его тяжелый пожарный лом, который он взял с собой с пожарного щита для возможной деблокады заклинивших замков, бесполезно валялся на полу в натекшей луже конденсата. Димыч даже не посмотрел на подошедшего командира. Обои испачканными в смазке руками он вцепился в свои редкие, поседевшие волосы, а его расширенные, полные хтонического, невыразимого ужаса глаза были неотрывно, гипнотически прикованы к массивному титановому полотну двери. Данилов тяжело шагнул к нему, направив луч фонаря в ту же сторону, морально готовясь увидеть пробоину, смертоносный фонтан ледяной воды под давлением в тысячу атмосфер, разрывающий металл, или, что еще хуже, следы начинающегося внутреннего пожара. Но ничего этого не было. Дверь стояла на своем месте. Огромная, круглая, с толстым смотровым иллюминатором из многослойного кварцевого стекла по центру и блестящим вензелом массивного запорного колеса. Она выглядела целой. Но только на первый, беглый взгляд человека, чей разум еще отказывался верить глазам.

— Димыч! Что здесь произошло? Докладывай по форме! — рявкнул Данилов, стараясь перекрыть тяжелое, сбитое дыхание инженера и стук собственного сердца. Капитан схватил Кузнецова за здоровое плечо и с силой потряхнул, пытаясь вывести из ступора. — Ты ранен? Что ты там увидел?

Димыч медленно, словно шейные позвонки у него заржавели, повернул голову к Данилову. Его лицо было пепельно-серым, губы мелко тряслись, не в силах сформировать членораздельные звуки. Он медленно поднял дрожащую руку и вытянул указательный палец в сторону круглой гермодвери.

— Командир... посмотри... посмотри на металл... — выдавил из себя инженер с таким нечеловеческим трудом, словно каждое произнесенное слово стоило ему года жизни. — Посмотри на иллюминатор...

Данилов нахмурился, чувствуя, как по его спине, прямо под плотную ткань форменного комбинезона, ползет неприятный, липкий холодок. Он подошел вплотную к двери, освещая её ярким белым лучом своего фонаря. Внешний манометр, врезанный в стену рядом с дверным проемом, показывал абсолютный ноль. Это означало, что автоматика станции, как и было жестко запрограммировано в протоколах безопасности, штатно сработала при падении: воздух из четвертого отсека был экстренно откачан в резервные ресиверы, и сейчас за дверью находился технический вакуум.

Но дверь вела себя невозможно, отрицая базовые принципы механики. Тяжелое, двадцатисантиметровое полотно из легированного титанового сплава медленно, ритмично выгибалось внутрь коридора. Прямо на стоящего Данилова.

Это было микродвижение, почти незаметное невооруженному глазу, но капитан видел, как блики света от его фонаря на матовом металле искажаются. Металл пульсировал. Станция словно тяжело дышала. И этот невозможный ритм с пугающей, математической точностью совпадал с тем самым звуком, о котором всего несколько минут назад в акустическом посту рассказывал Артемьев. Глухой удар. Трехсекундная пауза. Снова удар. Титан выгибался так, будто нечто колоссальное, обладающее немислимой физической мощностью, давило на дверь изнутри мертвого отсека.

Но законы физики кричали об обратном: раз в отсеке вакуум, то давление воздуха из жилого модуля должно было вдавливать дверь внутрь отсека, отталкивая её от Данилова. А она выгибалась на него. Чтобы титан толщиной в ладонь начал пульсировать и выдавливаться внутрь коридора, невидимая сила по ту сторону должна была бесконечно превосходить законы сопротивления материалов.

— Это физически невозможно... — прошептал Данилов, медленно опуская пистолет стволом вниз. Огнестрельное оружие против нарушенных законов мироздания было просто бессмысленным куском железа.

— Смотри на стекло. Просто посмотри на стекло, Леша, — голос Димыча сорвался на высокий, жалкий всхлип. Он назвал сурового командира по имени впервые за долгие годы совместной службы.

Данилов послушно перевел луч фонаря на центральный кварцевый иллюминатор. Стекло, способное выдержать прямое попадание противокорабельной торпеды, было абсолютно черным. Не прозрачным, не мутным от морской воды или взвеси ила, а именно черным, словно за ним находилась не затопленная научная лаборатория, а спрессованная, абсолютная пустота глубокого космоса. Но самым страшным, выбивающим почву из-под ног было совершенно не это. Прямо на глазах изумленного, не верящего своим чувствам капитана по внутренней, обращенной в мертвый отсек стороне иллюминатора поползла белесая изморозь. Конденсат. Ледяные, замысловатые узоры медленно, изящно расходились от центра толстого стекла к его краям, формируясь точно так же, как они формируются на зимнем окне автобуса, когда на него дышит теплом живой человек. Кто-то или что-то дышало на стекло изнутри абсолютного вакуума.

А затем в самом центре этого замерзшего белого пятна появилась темная прореха. Кто-то медленно, с легким, зудящим скрипом, который передался через металл переборки прямо в кости Данилова, провел изнутри по стеклу. Будто пытаясь стереть изморозь, чтобы заглянуть в слабо освещенный коридор. Чтобы увидеть тех жалких существ, кто стоит снаружи. Данилов отшатнулся так резко, что с силой ударился спиной о противоположную стену коридора. Его дыхание намертво перехватило спазмом. В этом простом, обыденном жесте — стирании конденсата со стекла ладонью — было столько жуткой, осознанной человечности, что разум капитана, натренированный годами жесткой военной службы, на секунду дал критический сбой. В четвертом отсеке, в условиях абсолютного нуля и вакуума, находился кто-то разумный. И этот кто-то методично, ритмично и очень терпеливо ломился к ним.

— Поднимайся, Кузнецов, — хрипло, не узнавая собственного голоса, скомандовал Данилов, отворачиваясь от невыносимого зрелища и грубым рывком поднимая инженера за воротник комбинезона. — Поднимайся, черт бы тебя побрал! Мы уходим отсюда. Живо.

Он почти потащил трясущегося Димыча по коридору обратно, в сторону спасительного жилого модуля, стараясь изо всех сил не слушать, как за их спинами тяжелая титановая дверь снова издала глухой, вибрирующий металлический стон. Данилов кристально ясно понимал: если эта переборка не выдержит, они все умрут мгновенно. Но гораздо страшнее было то, что

он не имел ни малейшего понятия, что именно вырвется из-за неё за секунду до того, как их раздавит вода. И в голове капитана всё настойчивее, пульсируя болью в висках, билась мысль о черном, идеально гладком камне, который они собственными руками подняли со дна впадины и принесли на борт своей станции. Объект номер четыре.

Пока в верхнем, жилом секторе Данилов и Димыч сталкивались с невозможным, на нижнем, техническом ярусе станции разворачивалась своя, лишенная всякой мистики, но от этого не менее фатальная драма. Елена Дмитриевна Громова, главный специалист по системам жизнеобеспечения, медленно спускалась по узкой, почти вертикальной технической лестнице в реакторный трюм. Каждый шаг вниз давался ей с мучительной, простреливающей болью. Её правая рука, вывихнутая при чудовищном гидравлическом ударе станции о грунт, была наспех, но очень профессионально вправлена Доктором Токаревым, а затем плотно примотана к туловищу широким эластичным бинтом. Елена была женщиной невероятно крепкой, не склонной к лишним сантиментам и тем более к панике. За её плечами было двадцать лет безупречной работы на самых сложных и опасных подводных объектах, и она привыкла доверять только сухим цифрам, показаниям манометров и жесткой логике алгоритмов.

Технический ярус встретил её непроглядным, сырым мраком и оглушающей, капающей со всех сторон тишиной. Раньше здесь всегда стоял ровный, успокаивающий низкочастотный гул главного ядерного реактора — горячего «сердца» станции «Мирный-12», которое бесперебойно гнало тепло и живительную энергию по всем венам и артериям огромного механизма. Теперь реактор был полностью заглушен автоматикой безопасности. Сработали аварийные кадмиевые стержни-поглотители, и цепная реакция остановилась, предотвращая тепловой взрыв при ударе. Станция питалась исключительно от резервных свинцово-кислотных аккумуляторных батарей, заряд которых таял с каждой секундой, уходя на поддержание хотя бы минимальной температуры и работы очистных фильтров.

Елена щелкнула тумблером и включила свой налобный фонарь. Узкий, резкий луч света разрезал плотную темноту, выхватив из мрака блестящие от обильного конденсата толстые трубы, массивные желтые вентили магистралей и лужи темной воды на рифленом титановом полу. К счастью, вода была пресной — при ударе разорвало трубы внутреннего технического охлаждения, а не внешний прочный корпус. Елена осторожно ступала по щиколотку в ледяной воде, направляясь к блоку химической регенерации воздуха. Это была святая святых их выживания. Поскольку основной мощный электролизер был обесточен, экипаж теперь зависел исключительно от пассивных, химических систем — тяжелых кассет с пероксидом натрия.

Она подошла к массивным стальным стеллажам, где хранился неприкосновенный аварийный запас. Её главной задачей было провести срочную, точную физическую инвентаризацию остатков. Доктор Токарев в кают-компании заявил, что воздуха хватит примерно на двенадцать дней. Елена, как стопроцентный технократ, никогда не верила словам, сказанным навскидку. Она должна была лично убедиться в целостности каждой кассеты. По штатному расписанию в хранилище должно было находиться ровно сорок герметичных ящичков с регенерационными пластинами.

Елена посветила мощным фонарем на верхние ярусы стеллажей. Желтые металлические ящички с красной маркировкой химической опасности стояли плотными, ровными рядами, надежно зафиксированные стальными тросами. Она начала методично пересчитывать их, проговаривая цифры вслух, чтобы гулкое эхо её собственного голоса разгоняло гнетущую тишину трюма. Двадцать, двадцать пять, тридцать.

Она перевела луч света на самый нижний ярус стеллажа, который находился всего в нескольких сантиметрах над уровнем натекающей на пол воды, и её сердце болезненно сжалось. Из десяти желтых контейнеров, закрепленных внизу, целыми выглядели только шесть. Четыре массивных ящичка были чудовищно деформированы. Видимо, во время падения станции тяжелый инструментальный шкаф, сорвавшийся с противоположной переборки, ударил прямо по

нижнему ряду регенерационного блока. Металл ящиков смяло, нарушив заводскую герметизацию швов.

Елена осторожно, стараясь не поскользнуться на масляном пятне, присела на корточки возле поврежденных кассет, удерживая фонарь левой рукой. В нос ударил резкий, до рези в глазах едкий запах химической гари. Внутри этих ящиков находился пероксид натрия — вещество, которое поглощает углекислый газ и выделяет живительный кислород. Но это вещество было крайне нестабильно при контакте с водой. Сквозь трещины в смятом металле ледяная вода из порванной системы охлаждения медленно, капля за каплей, просачивалась внутрь. Из щелей валил густой, белесый пар, смешанный с токсичной пеной. Происходила бурная экзотермическая реакция. Химикат шипел, плавя остатки пластиковых прокладок, и безвозвратно выгорал, превращаясь в бесполезный, ядовитый шлак.

— Черт... черт, черт, черт! — в отчаянии прошептала Елена, бессильно ударив здоровой рукой по уцелевшей стойке стеллажа.

Она быстро произвела в уме жестокий математический расчет. Четыре полностью уничтоженных ящика. Это шестнадцать регенерационных пластин. Одна пластина обеспечивает кислородом одного взрослого человека примерно на сутки при спокойном дыхании. Потеря четырех ящиков означала, что из их и без того крошечного бюджета выживания только что безвозвратно испарились драгоценные сутки. А с учетом колоссального стресса, паники и учащенного сердцебиения экипажа — они потеряли целых два дня. Двенадцать суток, о которых уверенно говорил Доктор, превращались в десять, а если быть абсолютными реалистами — в девять с половиной дней. Каждый вдох на станции теперь становился непозволительной роскошью.

Позади неё послышался легкий всплеск воды. Елена резко обернулась, вскидывая луч налобного фонаря. В нескольких метрах от неё, осторожно ступая по дренажному углублению в высоких резиновых сапогах, стоял Доктор Андрей Сергеевич Токарев. На его плече висела тяжелая медицинская сумка с красным крестом, а в руке он держал мощный ручной прожектор. Врач не выглядел угрожающе, скорее, он казался предельно сосредоточенным, собранным и очень уставшим.

— Елена Дмитриевна, я так и думал, что найду вас здесь, — ровно, без малейшей капли удивления произнес Токарев, останавливаясь и освещая её сгорбленную фигуру своим прожектором. — Я только что закончил перевязку Артемьева и решил спуститься на технический ярус, чтобы проверить вашу руку и сделать обезболивающий укол. При таких тяжелых вывихах болевой шок может наступить с опасной задержкой.

Он подошел ближе, и его цепкий взгляд скользнул за спину Елены, безошибочно останавливаясь на шипящих, источающих едкий дым желтых ящиках. Токарев слегка нахмурился, привычным жестом поправляя очки на переносице.

— Вижу, вы уже обнаружили проблему, — констатировал Доктор, подходя вплотную к изувеченному стеллажу. Он присел на корточки рядом с Еленой, абсолютно не обращая внимания на то, что подол его чистого халата испачкался о ржавчину. — Механическое повреждение гермокорпуса плюс прямой контакт с водой. Экзотермическая реакция. Пероксид натрия выгорает впустую.

— Четыре ящика, Андрей Сергеевич. Шестнадцать кассет полностью уничтожены, — голос Елены дрожал от сдерживаемого отчаяния, она посмотрела на строгий профиль спокойного врача. — Я только что всё пересчитала. Ваша первоначальная оценка в двенадцать дней больше недействительна. Эта проклятая вода украла у нас минимум двое суток. Девять, может быть, десять дней — это всё, что у нас осталось, прежде чем мы все начнем задыхаться от собственного выхлопа.

Токарев внимательно, с академическим интересом наблюдал за шипящей химической пеной, словно пытаясь визуально оценить скорость реакции. Затем он медленно поднялся,

выпрямляя уставшую спину. В его выверенных движениях не было ни грамма паники, только суровая врачебная рассудительность человека, который привык ежедневно иметь дело с плохими новостями и тяжелыми диагнозами.

— Это крайне неприятный фактор, Елена Дмитриевна. Но это сухие законы химии и физики, и мы не в силах отменить уже случившееся, — абсолютно спокойно ответил он, открывая свою медицинскую сумку и доставая шприц-тюбик с прозрачной жидкостью. — Давайте вашу левую руку. Я сделаю инъекцию сильного ненаркотического анальгетика, это снимет мышечный спазм в плече и прояснит голову.

Елена послушно, на голом автомате закатала рукав плотного комбинезона на здоровой руке. Холодная игла почти безболезненно вошла в мышцу, и врач привычным, отточенным движением ввел спасительный препарат.

— Мы обязаны немедленно подняться и доложить об этом командиру Данилову, — жестко сказала Елена, растирая место укола. Химический запах из разбитых ящиков начал вызывать у нее легкую тошноту и головокружение. — Весь экипаж должен знать правду. График дежурств и физическую активность придется сократить до абсолютного минимума, чтобы экономить кислород.

Токарев аккуратно закрыл сумку и посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд его светло-серых глаз за чистыми линзами очков был пронзительным, сканирующим, холодным, но в нем читалась железобетонная, успокаивающая уверенность стопроцентного профессионала.

— Разумеется, мы доложим Алексею Николаевичу. Я никогда не скрываю анамнез от пациента, а ситуация с кислородом — это сейчас наш общий, коллективный анамнез, — ровно ответил Доктор, и эти правильные, взвешенные слова странным образом немного успокоили мечущийся разум Елены. — Однако, Елена Дмитриевна, я настоятельно прошу вас позволить мне взять эту тяжелую новость на себя.

Елена непонимающе нахмурилась, глядя на него снизу вверх:

— Почему? Это моя техническая епархия, я головой отвечаю за системы жизнеобеспечения. Я должна дать командиру точные цифры потерь.

— Потому что в экстремальной ситуации важна не только сама информация, но и форма её подачи, — мягко, с интонацией опытного, прожженного психолога пояснил Токарев. — Данилов сейчас находится на грани нервного срыва. Я видел его психологическое состояние до того, как спустился сюда. Они с Кузнецовым обнаружили что-то... крайне тревожное и деструктивное для психики у дверей четвертого отсека. Если вы сейчас подниметесь к ним и прямо, в лоб заявите, что мы только что потеряли два дня жизни из-за разбитых ящиков, это может стать той самой соломинкой, которая ломает спину верблюду. Паника — наш главный, смертельный враг. Неконтролируемый страх заставляет легкие работать вдвое быстрее, сжигая драгоценный кислород быстрее любого огня. Вы понимаете меня?

Елена медленно, нехотя кивнула. Врач был абсолютно, физиологически прав. Паника убьет их быстрее удушья.

— Как штатный медик экспедиции, я скорректирую нашу общую стратегию выживания, — продолжил Токарев, его голос звучал ровно и гипнотически надежно. — Я сообщу командиру о потере этих ящиков, но сразу же предложу готовый медицинский протокол компенсации. Я выдам экипажу специальные легкие седативные препараты из неприкосновенного запаса. Мы искусственно, медикаментозно замедлим метаболизм каждого члена команды. Мы заставим людей больше спать, меньше двигаться и реже дышать. Таким образом, мы полностью нивелируем потерю этих шестнадцати кассет и растянем оставшийся воздух на те самые первоначальные двенадцать дней. А может быть, если удастся ввести их в глубокий сон, и больше. Современная медицина способна творить чудеса с физиологией, когда это критически необходимо.

Елена смотрела на Доктора, и впервые с момента страшного удара станции о дно она почувствовала слабое, хрупкое подобие искренней надежды. Токарев не паниковал, не искал виноватых, он решал проблему как сложное, но решаемое математическое уравнение. В этом холодном, расчетливом подходе не было человеческого тепла, но сейчас, на глубине девяти километров, тепло было бесполезно. Им нужна была именно эта ледяная, безупречная, спасительная логика.

— Хорошо, Андрей Сергеевич. Я полностью согласна. Расскажите всё Данилову сами, — с облегчением выдохнула Елена, чувствуя, как укол начинает действовать, мягко и тепло притупляя дергающую боль в плече. — Вы умеете находить правильные, нужные слова.

— Благодарю за доверие, Елена Дмитриевна, — Токарев слегка склонил голову в знак профессионального уважения. — А пока, чтобы предотвратить дальнейшее загрязнение воздуха в трюме, я настоятельно рекомендую вам задраить вентиляционные заслонки в этом секторе. Пусть хлор и едкий дым от этих выгорающих кассет остаются здесь. Мы заизолируем эту палубу. Возвращайтесь в жилой модуль, вам нужно лечь и отдохнуть.

Доктор плавно развернулся и, тихо шлепая резиновыми сапогами по воде, направился к металлической лестнице. Елена проводила его взглядом, чувствуя к этому странному, невероятно педантичному человеку глубокое, искреннее уважение. В этот момент он казался их единственным надежным якорем в разворачивающемся кошмаре.

Она потянулась к тяжелой круглой вентиляционной заслонке, чтобы выполнить предписание врача, как вдруг замерла на полудвижении. Гулкая, мертвая тишина реакторного трюма нарушилась. Где-то далеко над ней, сквозь густое переплетение титановых труб, кабелей и бронированных переборок, донесся очень тяжелый, ритмичный, вибрирующий звук.

Тук... Тук... Тук...

Он был едва слышен, но промерзший металл станции работал как гигантский идеальный камертон, передавая малейшую вибрацию. Елена инстинктивно прижала ладонь к холодной трубе магистрали и отчетливо почувствовала этот ритм собственной кожей. Звук был настойчивым. Неотвратимо методичным. И он никак не мог быть результатом технической поломки или оседания ила. У Елены мгновенно пересохло во рту, а сердце, несмотря на успокоительный укол, забилось быстрее. Она внезапно, с пугающей ясностью осознала, что никакие точные расчеты кислорода и никакие спасительные седативные препараты Доктора не смогут защитить их хрупкий разум от того, что сейчас методично стучится в их герметичные двери.

ГЛАВА 4. АБСОЛЮТНО ЧЕРНОЕ ТЕЛО

Для Валентина Эдуардовича Боброва, ведущего физика и научного руководителя глубоководной экспедиции, мир всегда представлял собой строгую, изящную систему математических уравнений. В его академической вселенной не существовало места для мистики, паники или слепого ужаса. Любое, даже самое пугающее явление природы можно было разложить на векторы, измерить, взвесить, описать формулами термодинамики и в конечном итоге подчинить человеческому разуму. Именно эта непоколебимая вера в могущество науки помогала ему сохранять рассудок сейчас, когда разгромленная кают-компания станции «Мирный-12» погружалась в ледяной, могильный мрак. Бобров сидел на перекошенном, вырванном из палубных креплений стуле, ссутулившись над складным алюминиевым столиком, который он чудом отыскал среди обломков мебели. На столике в строгом порядке, словно хирургические инструменты перед сложнейшей операцией, были разложены уцелевшие портативные приборы: армейский дозиметр, промышленный тепловизор, лазерный дальномер высокой точности и планшет с автономным питанием.

А в трех метрах от него, прямо на вздыбленных титановых плитах пола, лежал источник катастрофы. Тот самый Объект номер четыре.

В неверном, тускло-рыжем свете единственного дежурного плафона Артефакт выглядел до одурения неуместным. Это был геометрически безупречный, абсолютно гладкий многогранник размером с крупную собаку. В кают-компании царил перевозданный хаос: повсюду валялись осколки разбитых мониторов, разорванные книги, смятые металлические кружки и блестящие лужи конденсата, смешанного с машинным маслом. Но вокруг камня на расстоянии полуметра образовалась странная, пугающая зона идеальной чистоты. Пыль и мелкий мусор, поднятые в воздух при чудовищном ударе станции о дно Марианской впадины, каким-то непостижимым образом миновали эту зону, словно Артефакт обладал невидимым силовым полем, отталкивающим земную грязь.

Бобров сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как мелко, противно дрожат его пальцы. Он заставил себя взять со стола лазерный дальномер. Наука требует измерений. Страх рождается от неизвестности, а измерение — это первый шаг к контролю. Физик навел окуляр на Артефакт, целясь точно в центр одной из его идеально ровных, скошенных граней, и нажал на прорезиненную кнопку активации луча.

Прибор тихо пискнул, отправляя пучок когерентного света. Бобров напряг зрение, ожидая увидеть на поверхности камня знакомую, ярко-красную точку отраженного лазера. Но точки не было. Ученый нахмурился, решив, что батарея прибора села на холоде. Он перевел луч на ближайшую титановую стену — и красная точка мгновенно вспыхнула на сером металле, осветив царапины. Бобров снова перевел дальномер на многогранник. Ничего. Красный луч просто упирался в камень и исчезал, растворялся в нем без остатка, не давая ни малейшего отблеска.

— Абсолютно черное тело... — едва слышно, одними губами прошептал физик, и по его спине пополз ледяной пот.

В классической физике концепция «абсолютно черного тела» существовала лишь как теоретическая математическая модель — идеализированный объект, который поглощает всё падающее на него электромагнитное излучение во всех диапазонах и ничего не отражает. В природе таких объектов не существовало, даже самая черная сажа отражала доли процента света. Но этот камень был не просто черным. Он был дырой в пространстве. Он жадно пил свет, не отдавая ничего взамен. На его поверхности не было ни бликов от аварийной лампы, ни теней, ни полутонов. Глаз человека просто отказывался воспринимать его объем, мозг интерпретировал его как плоскую, вырезанную бритвой прореху в самой ткани реальности.

Дрожащими руками Бобров отложил бесполезный дальномер и схватил тепловизор. Экран прибора засветился тусклым зеленым светом, показывая термограмму разгромленного отсека. Стены светились темно-синим — забортная вода быстро выстуживала станцию, опускающая температуру к роковым четырём градусам Цельсия. Собственное тело Боброва, отраженное в стекле иллюминатора, сияло оранжево-красным пятном теплокровной жизни. Физик медленно, затаив дыхание, навел объектив тепловизора на Объект номер четыре.

То, что он увидел на экране, заставило его сердце болезненно сжаться и пропустить удар. На месте камня тепловизор показывал абсолютно черное, провальное пятно, цвет которого выходил за нижнюю границу шкалы прибора. Но ужас заключался не в том, что камень был холодным. Ужас был в том, что он активно, хищно высасывал тепло из окружающего пространства. Бобров отчетливо видел на зеленом экране, как тепловые потоки воздуха в кают-компании, словно затянутые невидимым водоворотом, спирально закручиваются и втягиваются в этот предмет. Это была ярко выраженная, неконтролируемая эндотермическая аномалия.

Ученый оторвал взгляд от экрана и посмотрел на пол вокруг Артефакта невооруженным глазом. И только сейчас он заметил то, что упустил из-за тусклого света. Иней. Белесая, колючая изморозь, покрывавшая металлические плиты палубы, вела себя неправильно. Обычно конденсат замерзает равномерно или ползет от самого холодного источника — от внешних стен. Но здесь толстые, мохнатые ледяные иглы росли по полу по направлению к камню. Кри-

сталлы льда тянулись к нему, словно намагниченные железные опилки к полюсу мощного магнита. Артефакт вымораживал станцию изнутри.

— Этого не может быть, — истерично забормотал Бобров, лихорадочно делая записи стилусом на экране планшета. — Нарушение второго начала термодинамики. Энтропия не может... она должна рассеиваться... он работает как идеальный тепловой насос без источника питания.

Внезапно его внимание привлек тихий, ритмичный звук. Кап... Кап... Кап...

Прямо над Артефактом, на изувеченном потолке, лопнула изоляция трубы климат-контроля. Из образовавшейся трещины медленно, тяжело собирались и падали вниз крупные капли сконденсировавшейся воды. Бобров, ведомый научным инстинктом, прищурился, прослеживая траекторию их падения.

Первая капля сорвалась вниз. По законам всемирного тяготения Ньютона она должна была упасть строго перпендикулярно, прямо на вздыбленный титановый пол. Но она этого не сделала. Пролетев половину пути, примерно в метре над черным многогранником, капля вдруг плавно, неестественно изменила свою траекторию. Она отклонилась от вертикали градусов на пятнадцать, описала изящную, невозможную дугу и с тихим, стеклянным звоном разбилась о гладкую боковую грань Артефакта, мгновенно впитавшись в неё без следа.

Вторая капля сорвалась с потолка. И повторила в точности ту же немислимую параболу, притянутая к камню невидимой силой.

Бобров перестал дышать. Волосы на его затылке встали дыбом, а по позвоночнику пробежала ледяная волна чистого, первобытного ужаса, который оказался сильнее любой научной рациональности. Это был не ветер, не сквозняк. Воздух в отсеке стоял неподвижно. Это было гравитационное искажение. Черный камень, имевший размер средней собаки и который они с матросами втроем смогли поднять лебедкой на борт, обладал собственной, аномально сильной гравитацией. Он искривлял пространство вокруг себя.

— Масса... Боже мой, какая же у него реальная масса? — прошептал физик, в ужасе пятясь вместе со стулом назад, подальше от невидимой воронки. — Если он искривляет падение воды... он должен весить десятки, сотни тонн. Он должен был проломить палубу и рухнуть в трюм! Почему он лежит здесь?!

В этот момент тяжелая металлическая дверь кают-компании с лязгом распахнулась, с силой ударившись о переборку. Бобров подскочил на месте, едва не опрокинув свой столик с приборами. В проеме стояли капитан Данилов и бортинженер Димыч.

Они выглядели так, словно только что вернулись с того света. Лицо Данилова, перепачканное запекшейся кровью, было искажено маской свирепого, загнанного в угол зверя. Его глаза лихорадочно блестели, грудная клетка тяжело, со свистом вздымалась. Димыч, стоявший за его спиной, опирался на косяк, трясясь всем телом; его взгляд был расфокусирован, пуст и блуждал по стенам, старательно избегая смотреть в центр комнаты, на лежащий там Артефакт. От обоих мужчин исходил резкий, кислый запах неконтролируемого химического страха и застарелого пота. Данилов шагнул в помещение, и его тяжелые ботинки с хрустом раздавили осколки стекла. В его опущенной правой руке был намертво зажат тяжелый табельный пистолет, снятый с предохранителя.

— Командир... Алексей Николаевич, вы вовремя! — нервно воскликнул Бобров, вскакивая на ноги. Физик попытался изобразить научный энтузиазм, но его голос предательски дрожал. — Я провел первичные замеры! Вы не поверите, с чем мы столкнулись! Этот объект... он полностью игнорирует законы физики макромира! Он поглощает электромагнитное излучение, генерирует гравитационную аномалию и выкачивает тепло! Это величайшее, беспрецедентное открытие в истории человечества! Это доказывает теорию...

— Заткнись, Бобров, — хрипло, со скрежетом в голосе перебил его Данилов.

Капитан даже не смотрел на ученого. Его налитые кровью глаза были неотрывно, с жгучей ненавистью прикованы к черному многограннику на полу. Данилов медленно поднял пистолет, направляя ствол точно в геометрический центр камня. Его рука, обычно твердая как сталь, сейчас едва заметно подрагивала.

— Я сказал, закрой свой рот со своими теориями, — повторил Данилов, делая медленный шаг к Артефакту. — Эта твоя величайшая находка... эта черная дрянь убила мою станцию. Она перерезала нам трос. А теперь она... она стучится к нам изнутри четвертого отсека. Из вакуума, Бобров! Она дышит на стекло!

— Что вы несете, капитан? Какой стук? Какое стекло? Вы в состоянии тяжелого посттравматического шока! — Бобров инстинктивно шагнул вперед, пытаясь загородить собой камень, раскинув руки в стороны, словно защищая собственное дитя от обезумевшего зверя. — Вы не смеете в него стрелять! Вы не понимаете его природы! Рикошет в замкнутом пространстве убьет нас всех!

— Отойди от него, Валентин, — голос Данилова упал до угрожающего, рокочущего шепота. — Я не собираюсь в него стрелять. Пули эту тварь не возьмут. Кузнецов!

Димыч вздрогнул, словно его ударили током, и медленно перевел стеклянный взгляд на командира.

— Да, Леша... — пробормотал инженер негнушимися губами.

— Бери такелажные ремни из шкафчика. Мы прямо сейчас обвязываем этот кусок дерьма, тащим его к балластному сбросовому шлюзу в третьем отсеке и скидываем в шахту. Выбрасываем его обратно в бездну, туда, откуда мы его достали. Пусть Океан подавится своим сокровищем. Живо!

Димыч покорно, как сломанная заводная кукла, отлепился от дверного косяка и шаркая ногами направился к техническим ящикам, вмонтированным в стену кают-компанияи.

— Вы сошли с ума! Я категорически запрещаю! — сорвался на высокий, истеричный крик Бобров. Научный фанатизм в нем внезапно оказался сильнее инстинкта самосохранения. Он бросился к Димычу, вцепившись тонкими пальцами в плечо инженера, оттаскивая его от шкафчика. — Это собственность Института глубоководных исследований! Это ключ к пониманию структуры Вселенной! Вы не имеете права уничтожать бесценный научный материал из-за своих галлюцинаций! Я задокументирую ваш саботаж! Вы пойдете под трибунал, Данилов!

Капитан резко, как пружина, развернулся к физику. В два огромных шага он преодолел расстояние между ними, грубо схватил Боброва свободной левой рукой за грудки комбинезона и с нечеловеческой силой впечатал ученого спиной в титановую переборку. Бобров охнул, из его легких выбило весь воздух, очки слетели с носа и повисли на цепочке.

— Трибунал? На глубине десяти километров?! — прорычал Данилов прямо в побледневшее лицо физика. Из его рта пахло железом и непережаренным страхом. — Очнись, академик! Мы мертвецы! У нас нет связи, нет хода, нет надежды! Мы заперты в стальной банке с чем-то, что ломает законы физики и сводит с ума моих людей! Если я должен выбросить твою нобелевскую премию в шлюз, чтобы моя команда прожила хотя бы на сутки дольше и не рехнулась от ужаса — я сделаю это не моргнув глазом! Димыч, ремни, я сказал!

Димыч дрожащими руками открыл дверцу шкафчика, доставая мотки прочной оранжевой стропы с карабинами. Бобров, задыхаясь в стальной хватке капитана, отчаянно забил руками по его руке.

— Не трогайте... не смейте его двигать! — прохрипел ученый. — Его масса... он не просто лежит! Он искривляет гравитацию! Если вы попытаетесь его поднять, вы нарушите хрупкое локальное равновесие! Он может продавить палубу и разгерметизировать жилой модуль!

Данилов на секунду замер, его глаза сузились. Рациональный довод Боброва пробил броню командирской ярости, заставив капитана задуматься. В этот момент напряженной, зве-

нящей тишины, когда судьба экспедиции висела на волоске, со стороны коридора раздался спокойный, размеренный голос:

— Я вынужден согласиться с профессором Бобровым, Алексей Николаевич. Физическое перемещение Объекта в данный момент — это не просто ошибка. Это гарантированный, немедленный суицид для всех нас.

Данилов резко обернулся, не отпуская Боброва. В дверном проеме, словно материализовавшись из мрака, стоял Доктор Андрей Сергеевич Токарев. На его плече неизменно висела тяжелая медицинская сумка. Его белый халат был испачкан машинным маслом, а высокие резиновые сапоги блестели от воды, но само лицо врача выражало абсолютное, пугающее олимпийское спокойствие. Токарев не смотрел на направленный в пол пистолет командира. Он медленно, уверенным шагом зашел в кают-компанию, словно входил в обычную палату во время утреннего обхода.

— Доктор... не лезьте не в свое дело, — тяжело, угрожающе предупредил Данилов, но хватку на комбинезоне физика слегка ослабил. — Вы не видели, что происходит у четвертого отсека. Эта тварь... она не камень. Она живая. И она ломится к нам.

— Я охотно верю каждому вашему слову, капитан. Мой медицинский долг — верить пациентам, — мягко, убаюкивающе произнес Токарев, подходя ближе. Он плавно обогнул лежащий на полу Артефакт, намеренно соблюдая дистанцию в два метра, и остановился между конфликтующими мужчинами. — Вы пережили колоссальный стресс, столкнувшись с явлением, выходящим за рамки вашего армейского опыта. У вас тяжелая контузия, Алексей Николаевич. Ваша нервная система сейчас перенасыщена адреналином, вы действуете под влиянием инстинкта «бей или беги». Но как командир, вы обязаны мыслить стратегически, а не инстинктами.

Токарев перевел проницательный взгляд на Димыча, который застыл с мотком оранжевой стропы в руках.

— Дмитрий Петрович, положите стропу на пол. Немедленно, — голос Доктора был тихим, но в нем звучала непререкаемая власть. Инженер, словно замороженный, послушно разжал пальцы, и тяжелые карабины со звоном упали на титановые плиты. Токарев подошел к нему, быстро расстегнул свою сумку и достал шприц-тюбик.

— Вы на грани обширного инфаркта миокарда, Димыч, — ровно констатировал врач, закатывая рукав инженера. — Если вы сейчас попытаетесь поднять хотя бы десять килограммов, ваше сердце разорвется. Я ввожу вам мощный бета-блокатор и седативное средство. Это приказ врача экспедиции.

Димыч даже не сопротивлялся. Он лишь обреченно прикрыл глаза, когда игла вошла в вену. Токарев так же профессионально и быстро закончил инъекцию, развернулся и наконец обратил все свое внимание на Данилова.

— А теперь послушайте меня, Алексей Николаевич, — Токарев посмотрел командиру прямо в глаза. — Валентин Эдуардович абсолютно прав в одном критическом аспекте. Мы не знаем реальной физической массы этого объекта. Мы не знаем его природы. Если вы, находясь в состоянии аффекта, попытаетесь сейчас перекатить или поднять его, используя неадекватную мышечную силу или лебедки, вы можете дестабилизировать его структуру. А если он, как говорит физик, генерирует аномальное давление и эндотермические реакции... любое механическое воздействие может спровоцировать цепную реакцию. Вы хотите проверить, выдержит ли наша и без того поврежденная палуба взрывное высвобождение энергии неизвестного происхождения?

Данилов тяжело, прерывисто дышал. Железобетонная, холодная логика врача пробивалась сквозь пелену первобытного гнева. Капитан сжал зубы так, что на скулах заходили желваки, и наконец резко разжал пальцы, отпуская Боброва. Ученый с кашлем сполз по стене на пол, судорожно поправляя сползшие очки.

— И что вы предлагаете, Доктор? — прохрипел Данилов, убирая пистолет обратно в кобуру. — Ждать, пока эта дрянь не откроет дверь четвертого отсека и не сожрет нас всех по одному?

— Я предлагаю компромисс, продиктованный здравым смыслом и инстинктом выживания, — Токарев поправил очки, его лицо оставалось бесстрастным манекеном. — Вы правы в том, что Артефакт представляет смертельную угрозу и является катализатором наших бед. Но Бобров прав в том, что угрозу нужно изучать, чтобы найти её слабые места. Поэтому мы оставим Объект здесь, в кают-компании, где он находится под визуальным контролем. Мы оградим его предупредительными лентами. Я категорически, как врач, запрещаю кому-либо из членов экипажа, включая физика Боброва, прикасаться к нему голыми руками или проводить любые инвазивные физические манипуляции. Только дистанционное наблюдение.

Токарев повернулся к тяжело дышащему ученому.

— Валентин Эдуардович, вы продолжите мониторинг. Но если ваши приборы зафиксируют критический скачок излучения или гравитации, угрожающий целостности жилого модуля — мы сбросим его в шахту, несмотря на любые научные протесты. Это понятно?

Бобров, всё еще потирая ушибленную спину, часто закивал, не смея спорить с человеком, который только что спас его ценнейший объект от уничтожения.

— Разумно, — сухо констатировал Токарев. — А теперь, капитан Данилов, я настоятельно требую, чтобы вы и Кузнецов отправились в свои каюты. Вы физически и морально истощены. Я дал Елене Дмитриевне в трюме указания по оптимизации систем жизнеобеспечения, воздух стабилен. Я выдам вам снотворное. Вам необходим сон, чтобы ваш мозг мог адекватно переработать травмирующий опыт. Я возьму на себя дежурство в медблоке с Артемьевым.

Капитан Данилов обвел тяжелым, мрачным взглядом разгромленную комнату, задержал глаза на черном, поглощающем свет многограннике, и наконец устало кивнул. Конфликт был исчерпан, подавленный неоспоримым профессиональным авторитетом Доктора. Токарев в очередной раз выступил как идеальный, хладнокровный спаситель, погасивший пожар безумия в самом его зародыше.

Спустя десять минут кают-компания снова опустела. Данилов увел полусонного от препаратов Димыча в жилой отсек, Токарев бесшумной тенью растворился в коридоре, ведущем к медицинскому блоку. Валентин Бобров снова остался абсолютно один в рыжем полумраке, наедине со своим чудовищным открытием.

Ученый тяжело опустился на свой скрипучий стул. Руки всё еще дрожали от пережитого адреналинового всплеска и страха перед физической расправой. Но жажда познания, ядовитый научный азарт быстро брали верх. Бобров взял в руки планшет с разбитым углом экрана.

Еще до того, как станция рухнула на дно, ровно за десять минут до катастрофического обрыва троса, когда они только подняли Артефакт в шлюз, Бобров успел сделать несколько высококачественных цифровых фотографий объекта для первичного отчета в институт. Он открыл галерею на планшете и вывел на экран самый четкий снимок.

На фотографии, сделанной при ярком свете прожекторов шлюза, черный многогранник имел строгую, симметричную форму. Физик, привыкший к педантичной точности, тогда машинально пересчитал его видимые грани. Их было ровно четырнадцать. Идеальный, сложный тетрадекаэдр.

Бобров перевел взгляд поверх планшета на сам Артефакт, неподвижно лежащий сейчас в трех метрах от него. Он включил встроенную в планшет камеру, навел её на камень и сделал новый снимок со вспышкой. Экран на секунду ослепительно мигнул белым.

Физик открыл новую фотографию и вывел её на экран рядом со старой, сделанной два часа назад. Он приблизил изображение, вглядываясь в стыки граней. Сначала он подумал, что это игра теней, оптическая иллюзия, вызванная тусклым светом аварийной лампы и его соб-

ственной крайней усталостью. Он протер глаза рукавом комбинезона и начал считать грани на новом снимке, методично водя пальцем по треснувшему стеклу планшета.

Один, два, три... десять... пятнадцать...

Бобров замер, чувствуя, как холод выкачивает остатки тепла из его грудной клетки. Он пересчитал снова, медленнее, вглядываясь в каждый излом геометрии.

Шестнадцать. На новом снимке у многогранника было шестнадцать граней.

Объект не был монолитным куском мертвого космического камня или обломком метеорита. Он медленно, совершенно беззвучно, за пределами человеческого восприятия, менял свою сложную математическую геометрию. Он перестраивался прямо у них на глазах, адаптируясь к давлению, к температуре, а может быть — к самому присутствию людей на борту. Он реагировал. Он эволюционировал.

Бобров медленно опустил планшет на колени. В звенящей тишине разгромленной кают-компании, перекрывая гул океанской бездны за бортом, он вдруг отчетливо услышал, как в коридоре, ведущем к медицинскому блоку, кто-то очень тихо, с пугающей, издевательской знакомой интонацией насвистывает мотив старой детской песенки. И физик мог бы поклясться собственной жизнью, что этот беззаботный свист принадлежит не Доктору Токареву.

Этот свист принадлежал акустику Паше, чьи ноги были превращены в кровавое месиво и который физически не мог подняться с больничной койки.

ГЛАВА 5. ФАНТОМНЫЙ РЕЗОНАНС

Звук насвистываемой мелодии в замкнутом, наглухо изолированном от всего остального мира пространстве обладает особым, проникающим свойством. На глубине девяти с половиной тысяч метров, где колоссальное давление океана сжимает молекулы стального корпуса, звук не просто летит по воздуху. Он липко ползет по металлическим переборкам, многократно отражается от искривленных титановых сводов, резонирует в выгнутых вентиляционных шахтах и оседает ледяной, колючей крошкой прямо на оголенных человеческих нервах. Мотив, который сейчас отчетливо слышал физик Валентин Эдуардович Бобров, был до тошноты простым, знакомым с самого раннего детства, из тех, что уставшие матери машинально напевают своим засыпающим детям: «Спят усталые игрушки...». Но здесь, в окружении миллиардов тонн черной, ледяной воды и медленно умирающего, остывающего металла станции «Мирный-12», эта ласковая телевизионная колыбельная звучала как изошренное, издевательское приглашение в преисподнюю.

Бобров замер на своем шатком стуле, боясь даже слишком громко выдохнуть, словно резкий звук его дыхания мог разрушить хрупкую грань между реальностью и надвигающимся безумием. Его мозг, натренированный долгими годами жесткой академической науки, отчаянно, с пробуксовкой пытался найти рациональное, физиологическое объяснение происходящему. Это слуховая галлюцинация. Прямое, описанное в медицинских справочниках следствие колоссального стресса, двое суток бессонницы и медленно, но неуклонно повышающегося уровня углекислого газа в изолированных отсеках. Акустик Паша Артемьев физически не мог находиться в коридоре. Это было биомеханически невозможно. У парня был сложнейший осколочный перелом обеих большеберцовых костей, обширный краш-синдром, разорванные мышцы и глубочайший болевой шок. Он лежал, надежно зафиксированный широкими ремнями на койке в медицинском блоке, накачанный лошадиными дозами тяжелых анальгетиков Доктора Токарева. Человек с такими фатальными травмами нижних конечностей не то, что ходить — он вряд ли мог бы просто приподнять голову от подушки, не потеряв сознание от болевой агонии.

Но монотонный, чистый свист продолжался. Ровный, беззаботный, с характерным легким придыханием на высоких нотах и чуть смазанным ритмом — именно так всегда насвистывал Паша, когда часами возился со своими сверхчувствительными гидрофонами и осцил-

логафами в дни спокойных, рутинных вахт на мелководье, когда океан еще казался им дружелюбной средой для исследований.

Физик медленно, стараясь не скрипнуть расшатанными алюминиевыми ножками стула о рифленую палубу, поднялся на ноги. Он осторожно, дрожащими пальцами взял со стола тяжелый металлический фонарь и на цыпочках, инстинктивно вжимая голову в плечи, словно боясь спугнуть невидимого ночного гостя, двинулся к распахнутой гермодвери кают-компания. Каждый его неуверенный шаг отдавался гулким, болезненным ударом густой крови в висках. Он переступил через высокий стальной комингс и выглянул в длинный, узкий главный коридор жилого модуля.

Коридор тонул в густых, дрожащих тенях. Основного освещения не было, а кроваво-красные, пульсирующие в режиме жесткой экономии энергии аварийные лампы под потолком лишь искажали геометрию пространства, превращая сплетения труб и кабелей-трасс на стенах во внутренности огромного, выпотрошенного чудовища. Свист мгновенно, как по щелчку невидимого тумблера, оборвался. Словно насвистывающий всем своим существом почувствовал направленный на него из темноты чужой, испуганный взгляд.

— Паша? — хрипло, едва слышно позвал Бобров в пустоту. Собственный голос показался ему надтреснутым, чужим и невыносимо жалким на фоне давящей мощи океана за стенами.

Ответом была лишь ватная, густая, мертвая тишина, прерываемая только далеким, утробным стоном остывающего титанового корпуса станции, который продолжал усаживаться в мягкий глубоководный ил. Бобров тяжело сглотнул вязкую слюну и сделал один неуверенный шаг в коридор. Луч его фонаря нервно скользнул по рифленому металлическому полу, выхватывая лужицы конденсата, и внезапно высветил из полумрака нечто, заставившее ученого застыть на месте, перестав дышать.

На серых титановых плитах, прямо перед ним, в лучах белого света отчетливо виднелись следы. Влажные, слегка смазанные, жирно поблескивающие в красном аварийном свете следы босых человеческих ног. Они вели со стороны дальнего медицинского блока и обрывались ровно в двух метрах от стоящего Боброва, словно тот, кто их только что оставил, бесплотно растворился в спертом, пропитанном запахом озона и машинного масла воздухе. Но самым страшным, безжалостно ломающим хрупкую человеческую психику было не их внезапное исчезновение в никуда. Страшным было то, что отпечаток левой стопы был абсолютно нормальным, с четко прорисованными пальцами и пяткой, а правый след представлял собой бесформенное, широкое кровавое месиво с отчетливыми сгустками изжеванной плоти. Словно человек с маниакальным, противоестественным упорством ступал прямо на оголенную, раздробленную кость, оставляя за собой густой, темный, влажный след из сукровицы, плазмы и выдавленного костного мозга.

Человек с такими чудовищными анатомическими разрушениями не мог сделать и шага. Но эти следы были здесь. И они были свежими.

— Господи Иисусе... Боже милостивый... — прошептал убежденный до мозга костей атеист и материалист Бобров, чувствуя, как к горлу тошнотворно подступает кислая желудочная желчь, а перед глазами плывут черные круги.

Он в глухой, неконтролируемой панике попятился назад, в спасительное пространство разгромленной кают-компания, не в силах оторвать расширенных, слезящихся от ужаса глаз от этих невозможных, пугающих следов. Но как только его взмокшая от холодного пота спина коснулась спасительного металлического дверного косяка, из абсолютной, непроглядной темноты в самом дальнем конце коридора раздался голос.

— Валентин Эдуардович... — голос был тихим, влажным, булькающим, словно легкие говорящего были наполовину заполнены ледяной морской водой, но интонации... Это был сто-

процентно узнаваемый, живой голос Паши Артемьева. — Почему вы не смотрите на него? Он ведь так старается для вас. Он меняет свою форму. Он живой, профессор...

Бобров дико, по-звериному вскрикнул и резко вскинул тяжелый фонарь, направляя ослепительный белый луч прямо в конец длинного коридора. Мощный пучок света, прорезав взвесь пыли, жестко ударился в глухую гермопереборку санитарного изолятора. Там абсолютно никого не было. Ни сутулого силуэта, ни метнувшейся за угол тени, ни призрака. А затем Бобров опустил луч на пол. Лишь влажные кровавые следы на рифленых плитах начали прямо у него на глазах стремительно тускнеть, высыхать и таять, словно их никогда не существовало, сливаясь с грязными пятнами технической смазки.

Разум физика, привыкший к незыблемым формулам Ньютона и Эйнштейна, не выдержал этого грубого, агрессивного изнасилования парадоксом. Бобров с мычанием развернулся, ввалился обратно в кают-компанию и с нечеловеческой, истерической силой захлопнул за собой тяжелую, в двести килограммов, титановую дверь. Он обеими руками навалился на кремальеру замка, судорожно проворачивая запорное колесо до металлического скрежета и болезненного хруста в собственных запястьях. Заперев дверь, он обессиленно сполз по холодному металлу на пол, жадно, со свистом глотая спертый воздух. Его обезумевший, загнанный взгляд невольно метнулся в центр комнаты, к Объекту номер четыре.

Черный, поглощающий любой свет многогранник лежал на прежнем месте, окруженный зоной сверхъестественной чистоты. Но Боброву, сквозь пелену панического, животного ужаса и нарастающей гипоксии, отчетливо показалось, что камень стал чуть больше. Его абсолютно черная поверхность едва заметно, медленно и ритмично пульсировала в точный такт безумно колотящемуся сердцу самого ученого. И физик, обхватив голову трясущимися руками, понял леденящую кровь истину: голос в коридоре, беззаботный детский свист, невозможные кровавые следы — всё это происходило не снаружи. Это транслировалось Объектом напрямую в его височные доли. Артефакт не просто искривлял физическую гравитацию и выкачивал тепло. Он безжалостно искривлял, ломал и перестраивал под себя само человеческое восприятие реальности.

В это же самое время в другом конце станции, в центральном узле жилого модуля, разворачивалась иная, на первый взгляд лишённая всякого сверхъестественного налета, но от этого не менее фатальная драма. Елена Дмитриевна Громова, бережно придерживая здоровой рукой плотно приоткрытую к туловищу вывихнутую правую руку, тяжело, с одышкой поднялась по крутому техническому трапу из реакторного трюма. Её лицо было мертвенно-бледным, покрытым липкой испариной, а в висках навязчиво, как метроном, стучала тупая, давящая свинцовая боль. Как бывалый подводник, она прекрасно знала, что это верный физиологический признак того, что уровень углекислого газа — заботливо и тайно отрегулированный Доктором Токаревым на отметке выше трех процентов — начал свое медленное, усыпляющее, токсичное воздействие на нейроны.

В узком проходе возле крошечных офицерских кают она едва не столкнулась лоб в лоб с капитаном Даниловым. Алексей Николаевич выглядел пугающе. Огромный, широкоплечий, физически невероятно сильный человек, который на протяжении всей экспедиции был для своего экипажа нерушимой скалой и гарантом безопасности, сейчас напоминал надломленное, выжженное изнутри дерево. Его спина ссутулилась, глаза воспалились от бессонницы и колоссального нервного перенапряжения, превратившись в две красные щели на посеревшем лице, а кулаки были рефлекторно сжаты до белизны костяшек. После того невыносимого, противоречащего законам физики кошмара, что он увидел за выгибающимся стеклом изолированного четвертого отсека, и после жесткой, едва не закончившейся применением табельного оружия конфронтации с Бобровым, капитан отчаянно нуждался хотя бы в одной хорошей, земной новости. Ему нужна была точка опоры.

— Елена, — хрипло, надтреснуто окликнул он её, шагнув навстречу и преграждая путь. — Ты как раз оттуда. Докладывай по форме. Без утайки. Что с химической регенерацией? Токарев упомянул, что часть аварийных кассет повреждена при ударе о грунт. Насколько всё плохо? Скажи мне правду, главный инженер. Мне нужны точные данные, чтобы планировать выживание.

Елена замерла, почувствовав, как пол слегка качнулся под ногами. Она посмотрела в глубоко уставшие, полные отчаянной, цепляющейся за логику надежды глаза своего командира. Человека, с которым она плечом к плечу ходила в сложнейшие глубоководные экспедиции последние десять лет. Человека, который никогда не лгал ей, всегда прикрывал её спину и вытаскивал из самых безнадежных переделок. А затем в её уставшем мозгу всплыл ровный, ледяной, хирургический голос Токарева, звучащий в полумраке затопленного трюма: *«...вы хотите, чтобы Данилов через час решил пустить себе пулю в лоб?»*. Она вспомнила неопровержимую, железобетонную медицинскую логику Доктора, спасающего их от неминуемой суицидальной паники путем контролируемого медикаментозного и газового подавления воли. Токарев мастерски сделал её своей соучастницей. Он полностью возложил на её хрупкие плечи ответственность за рассудок и жизнь командира.

Елена с огромным трудом сглотнула пересохшим горлом. Боль в поврежденном плече дернула нерв в точной синхронности с закипающим, разъедающим душу чувством вины. Ей хотелось крикнуть: «Капитан, воздуха на неделю, мы покойники!», но она сжала зубы.

— Всё под контролем, Алексей Николаевич, — её голос прозвучал на удивление ровно и по-военному уверенно, хотя внутри у нее всё сжалось от физического отвращения к самой себе. — Да, мы действительно безвозвратно потеряли четыре ящика из-за протечки внутреннего конденсата и прямого контакта реагентов с аккумуляторной кислотой. Реакция пошла слишком бурно, пероксид натрия выгорел в ноль. Но Андрей Сергеевич оказался рядом и успел их вовремя физически изолировать в затопленном контуре. Смертельного отравления воздуха хлором удалось полностью избежать.

— Сроки, Лена. Дай мне сухие цифры, — напряженно потребовал Данилов, впиваясь в нее тяжелым, не терпящим увиливаний взглядом. — Сколько у нас реального времени до того, как мы начнем задыхаться в этой титановой бочке?

— Десять... может быть, одиннадцать полных дней, командир, — чудовищная ложь сорвалась с её губ так гладко, словно по давно заученному театральному сценарию. На самом деле у них оставалось не больше недели. — Доктор Токарев уже ввел жесткий медицинский протокол экономии. Мы переводим весь экипаж на режим минимальной физической активности. Больше сна, меньше резких движений, никаких лишних разговоров. Это должно с лихвой компенсировать потерю сгоревших кассет за счет снижения потребления. Воздуха нам хватит, пока спасатели со «Страхова» не спустят глубоководный аппарат с новыми блоками. Вы можете не беспокоиться за системы жизнеобеспечения, я всё перенастроила на байпасах.

Данилов шумно, прерывисто выдохнул, и его могучая грудная клетка на мгновение обмякла. На крохотную долю секунды каменная маска сурового, негибачего командира спала с его лица, и Елена с тупой болью в сердце увидела под ней безмерно уставшего, смертельно напуганного человека, несущего крест ответственности за чужие жизни. Капитан тяжело оперся мозолистой ладонью о холодную переборку и на мгновение закрыл глаза, позволяя себе слабость.

— Слава богу... Слава богу, Лена. Хоть где-то мы еще держим удар, — пробормотал он, и в его севшем голосе прозвучало искреннее, неподдельное облегчение. — Спасибо, Елена Дмитриевна. Ты и Токарев... вы сейчас единственные, кто сохраняет холодную голову на этом проклятом борту. Бобров окончательно рехнулся со своим камнем, несет какую-то ахиною про гравитацию. Кузнецов сломался пополам, у него истерика, я еле заставил его выпить снотворное, он сейчас спит в своей каюте. А то, что происходит у гермодвери в четвертом отсеке...

Данилов резко замолчал, проглотив окончание фразы. Он явно не решался произнести вслух то, что грубо нарушало все известные законы физики и здравого смысла. Елена сочувствующе сделала шаг к нему.

— Алексей Николаевич, вам тоже нужно немедленно поспать. Вы едва стоите на ногах, у вас тремор рук. Доктор абсолютно прав, паника и бессонница сейчас наши главные и самые коварные враги. Никаких решений до сна.

— Да. Да, ты права, Лена, — капитан открыл воспаленные глаза, с трудом сфокусировал взгляд на инженере и слабо кивнул. — Я пойду в свою каюту. Выпью таблетку Доктора. Если уровень СО₂ начнет расти, упадет давление или акустик что-то снова услышит — буди меня немедленно, в любую секунду. Это мой прямой приказ.

Он грузно развернулся и медленно, тяжело прихрамывая на ушибленную ногу, побрел по тускло освещенному коридору в сторону жилого блока. Елена смотрела ему вслед, чувствуя, как невидимая тяжесть предательской лжи придавливает её к палубе станции сильнее любого океанского давления. Она солгала своему капитану прямо в глаза. Она предала свой строгий технический устав инженера ради извращенной, циничной, многоходовой медицинской логики Андрея Токарева. Но пути назад уже не было. Раз начав лгать, она должна была идти до конца.

Прежде чем отправиться в свою тесную каюту и попытаться провалиться в спасительный сон, Елена решила зайти в медицинский блок. Она должна была лично, своими глазами убедиться, что с Пашей всё в порядке, и, возможно, обменяться с Токаревым хотя бы одним коротким, понимающим взглядом, подтверждающим, что они всё делают правильно и этот страшный обман оправдан высокой целью выживания.

Она тихо, стараясь не шуметь, приоткрыла белую раздвижную дверь медблока. Здесь царил идеальный, пугающе стерильный порядок, резко, до рези в глазах контрастирующий с хаосом, грязью и разрушением остальной разбитой станции. Единственная рабочая флуоресцентная лампа под низким потолком была заботливо прикрыта куском чистой медицинской марли, чтобы резкий свет не бил в глаза тяжелораненому пациенту. В прохладном воздухе густо и парадоксально успокаивающе пахло медицинским спиртом, йодом и какими-то сложными, горьковатыми медикаментами из старых запасов.

Павел Артемьев неподвижно, словно труп, лежал на стандартной узкой койке, надежно зафиксированный за плечи и пояс широкими страховочными ремнями. Его раздробленные, превращенные в кровавое месиво ноги были аккуратно скрыты под жестким металлическим пневматическим каркасом аппарата внешней фиксации. Грудная клетка акустика медленно, мерно вздымалась. Он явно находился в состоянии глубочайшего, искусственно вызванного сна. Рядом с койкой, на вращающемся металлическом табурете, с идеально прямой спиной сидел Доктор Токарев. Он снял свои круглые очки и, слегка прищурившись, очень аккуратно записывал что-то в свой официальный медицинский журнал при слабом свете узконаправленного диагностического фонарика-ручки.

Услышав тихий скрип пневматики двери, Токарев плавно, без малейшего испуга или спешки повернул голову.

— Елена Дмитриевна. Вы еще не спите, — тихо, без малейшей вопросительной интонации констатировал врач. Это был просто очередной зафиксированный им факт.

— Я только что говорила с капитаном Даниловым в коридоре, — напряженным шепотом ответила Елена, проходя внутрь изолятора и останавливаясь у металлического изножья койки Павла. Она нервно сжала здоровой рукой поручень. — Я сказала ему в точности то, что вы просили. Одиннадцать дней. Я солгала ему в глаза. Он поверил мне. Он успокоился и пошел спать в свою каюту.

Токарев удовлетворенно кивнул, неторопливо и методично надевая круглые очки обратно на переносицу. Лицо его выражало сдержанное профессиональное одобрение, словно он хвалил прилежного студента-ординатора.

— Вы поступили исключительно мудро, ответственно и с холодной головой. Вы сохранили боеспособность и рассудок нашего командира. Чувство вины, которое вы сейчас неизбежно и остро испытываете — это абсолютно нормальная, предсказуемая реакция здоровой человеческой психики на вынужденный моральный компромисс. Уверяю вас, как врач: оно скоро пройдет. Моральные муки притупляются инстинктом самосохранения.

Елена перевела взгляд на бледное, осунувшееся, заострившееся лицо глубоко спящего Паши.

— Как он? — спросила она, желая поскорее сменить тему, от которой её начинало мутить.

— Гемодинамика стабильна. Глубокая, жестко контролируемая медикаментозная седация, — ответил Доктор, педантично, двумя пальцами поправляя прозрачную трубку капельницы с физраствором. — Я успешно купировал развитие болевого шока и полностью отключил его сознание. Его мозг критически нуждается в экстренной перезагрузке после тех сильнейших акустических галлюцинаций, которые он перенес на посту в момент аварии. Он проспит еще минимум восемь-десять часов, пока организм не запустит регенеративные процессы. Он не приходил в себя с тех самых пор, как мы перенесли его сюда на носилках.

Елена глубоко нахмурилась. Последние, уверенные слова Токарева внезапно вызвали у неё острый, колючий приступ ледяной тревоги.

— Подождите... Вы абсолютно уверены, что он не приходил в себя? Вообще ни единого раза за последние два часа?

— Абсолютно уверен, Елена Дмитриевна. Я не отходил от его койки ни на минуту, кроме того короткого визита в трюм к вам и в кают-компанию, чтобы успокоить разбушевавшихся командира и Боброва. Дозировка введенного ему внутривенно препарата такова, что он физически не способен издать ни звука, не говоря уже о связной речи или осмысленном движении, — Токарев внимательно, с пронзительным, сканирующим интересом посмотрел на встревоженную женщину. — Почему вы об этом спрашиваете с такой тревогой?

Елена почувствовала, как по её позвоночнику, прямо под плотной тканью форменного комбинезона, пробежал неприятный, колючий холодок животного страха.

— Потому что... когда я тяжело поднималась из трюма, я проходила мимо акустического поста. Я прекрасно знаю, что он полностью обесточен и там никого нет. Но я клянусь вам, Андрей Сергеевич, я отчетливо слышала из темноты голос Паши. И он не просто стонал. Он насвистывал детскую колыбельную. «Спят усталые игрушки». Это был его голос и его характерная манера насвистывать. Точный до мельчайших интонаций звук. Я подумала, что он очнулся от боли, у него начался бред, и он каким-то невысказанным чудом, на одних руках дополз туда... Но вы утверждаете, что он был здесь всё время.

Токарев ни на йоту не изменился в лице. Мускул не дрогнул на его бледных щеках. Он лишь медленно, демонстративно закрыл свой журнал, заложив страницу ручкой.

— Елена Дмитриевна, я буквально полчаса назад, там, у вентиля в трюме, очень подробно объяснял вам биохимические побочные эффекты гиперкапнии, — ровным, ледяным, безупречно академическим тоном произнес врач. — Повышенный уровень углекислого газа, который мы с вами вынуждены сейчас поддерживать для максимальной экономии кислорода, вызывает легкие, но очень реалистичные слуховые иллюзии. Ваш смертельно уставший, находящийся в состоянии жесточайшего стресса мозг просто берет яркую аудиовизуальную информацию из вашей долгосрочной памяти — знакомый голос и безобидные привычки вашего товарища — и накладывает её на монотонный фоновый шум вентиляции или скрип остывающего, сжимающегося металла корпуса. Это называется аудиальная парейдолия. Мозг

ищет знакомые паттерны в хаосе. Вы слышали исключительно то, что сгенерировало ваше собственное измученное подсознание. Ничего больше.

— Это был не белый шум вентиляции! И не металл! — Елена невольно повысила голос, в котором зазвенели нотки отчаяния, но тут же испуганно осеклась, покосившись на неподвижно спящего Павла. Она перешла на лихорадочный шепот. — Это был четкий, артикулированный человеческий свист!

— Физиология непреложна, Елена. Человек с раздробленными в кашу ногами и под двойной дозой тяжелого седативного препарата не может гулять по обесточенной станции и беззаботно насвистывать мелодии, — Токарев плавно, без малейших усилий встал со своего металлического табурета, и его фигура в белоснежном халате внезапно показалась Елене пугающе высокой, авторитетной и непреодолимой. Настоящий жрец науки. — Я настоятельно рекомендую вам пойти, выпить воды, принять ту же легкую таблетку, что и капитан, и немедленно лечь в постель. Ваш отравленный страхом и кислотой рассудок сейчас — ваш самый опасный и коварный враг. Позвольте медицине позаботиться о вас.

Елена отступила на шаг назад. Железобетонная, убийственная, безупречная логика Доктора Токарева снова мастерски зажала её в угол, не оставив ни малейшего интеллектуального пространства для маневра. Он был прав. Это просто обязано было быть галлюцинацией. Сбой нейронов. Иначе вся картина их материального, привычного мира рушилась окончательно и бесповоротно, впуская в реальность то, от чего не спастись в герметичных отсеках. Она коротко, обреченно кивнула, не сказав больше ни единого слова, развернулась и быстро вышла из медицинского блока, желая лишь одного — закрыться в своей тесной, холодной каюте и погрузиться в черное небытие без сновидений.

Доктор Токарев провожал её немигающим, изучающим взглядом до тех пор, пока белая автоматическая дверь медблока с тихим шипением пневматики не сомкнулась за её спиной, отсекая коридор.

Затем врач медленно повернулся к кровати пациента. Павел Артемьев лежал абсолютно неподвижно, как манекен. Его пересохшие, потрескавшиеся губы были плотно сжаты, дыхание оставалось тяжелым и редким. Никакого свиста, никакой жуткой детской мелодии в реальности не существовало — в медблоке стояла лишь стерильная, мерно гудящая тишина, прерываемая лишь ритмичным писком кардиомонитора.

Лицо Доктора Токарева не дрогнуло. Он не достал из-под полы никаких тайных дневников, не стал произносить зловещих монологов в пустоту. Он просто снова взял в руки свой официальный медицинский журнал, уселся на вращающийся табурет и аккуратным, бисерным, идеально ровным почерком сделал очередную скучную запись:

«Час 14. Субъект: Громова Е.Д. Зафиксированы первые устойчивые признаки аудиальных галлюцинаций. Психоэмоциональный фон ожидаемо нестабилен, отягощен комплексом вины. Симптоматика индуцированной гиперкапнии развивается в строгом соответствии с базовым прогнозом. Корректировка дозировок воздушной смеси в вентиляционной системе на данный момент не требуется».

Доктор Токарев спокойно захлопнул тяжелую обложку журнала, положил его на стол, педантично проверил стальные крепления аппарата Елизарова на сломанных ногах акустика и неторопливо направился к выходу из медблока, чтобы продолжить свой ночной обход засыпающей, обреченной станции.

Идя по абсолютно пустому, залитому кроваво-красным светом аварийных ламп длинному коридору жилого модуля, Доктор Андрей Сергеевич Токарев, глядя прямо перед собой в темноту, сложил губы трубочкой. И очень тихо, беззаботно, с тем самым характерным легким придыханием на высоких нотах насвистал мотив старой детской колыбельной.

«Спят усталые игрушки...»

Идеально, до мельчайших интонаций скопировав манеру спящего Паши.

ГЛАВА 6. СЛЕПАЯ ЗОНА

Пробуждение не принесло старшему механику Дмитрию Петровичу Кузнецову ни малейшего облегчения. Оно обрушилось на него не как постепенный, мягкий выход из целительного сна, а как внезапный, жестокий рывок за шиворот со дна глубокого черного колодца на поверхность, где вместо свежего спасительного воздуха его ждал удушливый, липкий вакуум.

Сначала вернулось осязание. Димыч почувствовал, что крайне неудобно, неестественно скрючившись, лежит на узкой, жесткой койке в своей крошечной каюте. Его плотный форменный комбинезон насквозь пропитался холодным, зловонным потом, который теперь противно охлаждал кожу при малейшем движении, словно он лежал в мокром саване. Во рту стоял отчетливый, тошнотворный металлический привкус, густо смешанный с едкой горечью желчи — характерный химический след того мощного неустановленного препарата, который Доктор Токарев хладнокровно ввел ему в вену там, в разгромленной кают-компании. Тело казалось абсолютно чужим, налитым тяжелым, неподъемным свинцом, а мышцы ныли так, словно его несколько часов кряду прокручивали через грузовую корабельную лебедку. Язык распух и прилип к пересохшему небу.

Затем вернулся слух. И вместе с ним, пробив химическую блокаду мозга, пришел первобытный, парализующий животный ужас.

Тишина. Станция «Мирный-12», которая в штатном рабочем режиме всегда была живым, огромным пульсирующим организмом, наполненным тысячами микрорывков — низким, утробным гулом циркуляционных насосов, ровным шелестом климатической установки, успокаивающей, ритмичной вибрацией главного атомного реактора — теперь была абсолютно, пугающе мертва. Эта тишина была густой, тяжелой, как вязкий водолазный мазут. Она давила на барабанные перепонки с такой физической силой, что Димычу на мгновение показалось, будто он слышит, как с отчетливым хрустом скрежещут костные швы в его собственном черепе.

Он резко, судорожно распахнул глаза. Каюта тонула в густом, непроглядном мраке, едва разбавляемом кроваво-красным, мерцающим отсветом одинокого аварийного светодиода над дверной панелью. Димыч резко сел на скрипнувшей койке, инстинктивно, с хрипом втягивая носом воздух. Воздух был категорически неправильным. Тяжелым, спертым, влажным, отдающим резкой кислотой немых тел и машинного масла. Легкие работали на износ, как изорванные кузнечные меха, до боли раздувая грудную клетку, но кислорода катастрофически не хватало. Мозг старшего механика, уже изрядно отравленный избытком накапливающейся в замкнутом контуре углекислоты и остаточным действием экспериментального транквилизатора, начал давать критические, непоправимые системные сбои.

Именно в этот момент началась острая фаза клаустрофобии.

Это был не просто банальный человеческий страх замкнутого пространства. Для Димыча, как для инженера высшей квалификации, этот страх имел абсолютно четкое, математическое обоснование. Он знал наизусть пределы текучести титановых сплавов. Он помнил графики распределения нагрузок на шпангоуты. Он слишком хорошо понимал, что прямо сейчас над его головой находится девять с половиной километров плотной, ледяной воды. Колоссальное, невысказанное давление, способное сплющить современный боевой танк в гармошку за долю секунды. Если в корпусе появится микротрещина толщиной в человеческий волос — вода ударит внутрь со скоростью гиперзвуковой ракеты, разрезая сталь и плоть как плазменный резак, прежде чем отсек мгновенно схлопнется внутрь себя. Профессиональное знание физики делало его панику в сотни раз страшнее.

Иллюзия стала физически осязаемой. Димыч отчетливо, каждой воспаленной нервной клеткой почувствовал, как серый металлический потолок каюты медленно, с едва слышным скрежетом сдвигается вниз. Стены пульсировали, намереваясь безжалостно раздавить его грудную клетку. Он вскочил на непослушные ноги, ударившись плечом о шкафчик, вытянул руки

вверх и изо всех сил уперся дрожащими мозолистыми ладонями в холодный металл подволока, пытаясь удержать эту надвигающуюся многотонную тяжесть.

— Нет, нет, нет... — забормотал он вслух, и его голос сорвался на жалкий, скулящий сип. — Только не так... Выпустите меня... Господи, выпустите меня отсюда!

Его рассудок, как слепой котенок, в панике бился о стенки черепной коробки в поисках логичного выхода. Он вспомнил тяжелую круглую гермодверь изолированного четвертого отсека. Вспомнил, как толстенный армированный титан немислимым, противоречащим природе образом выгибался наружу. Вспомнил то влажное мутное пятно конденсата в вакууме.

Они заперты в стальном гробу на дне самой глубокой впадины. Сверху — абсолютная смертоносная тьма. Снизу — нечто черное, холодное, ломающее базовые законы Вселенной. А внутри — неотвратимо сжимающиеся стены и кончающийся, отравленный воздух.

Животная паника, доведенная до кипения коктейлем из нейролептиков и гиперкапнии, полностью отключила префронтальную кору опытного инженера. Остался только один голый, пульсирующий спинномозговой инстинкт: бежать. Немедленно позвать на помощь. Прорвать эту глухую, издевательскую тишину, отправить сигнал наверх, чтобы кто-то там, на далекой солнечной поверхности, услышал их предсмертный хрип и вытащил их из этой братской могилы.

Димыч бросился к двери, дрожащими, непослушными пальцами ударил по сенсорной панели замка. Дверь с неохотным, затяжным пневматическим шипением отъехала в сторону. Коридор жилого модуля встретил его всё тем же зловещим красным полумраком и запахом горелой изоляции. Механик вывалился наружу, тяжело привалившись взмокшим плечом к холодной переборке. Он двигался неуклюже, как глубоко пьяный человек, постоянно спотыкаясь о свои собственные обмякшие ноги и цепляясь перепачканными пальцами за страховочные поручни. Его вела одна навязчивая, маниакальная идея — радиорубка. Центральный узел связи. Святая святых станции.

По жесткому штатному расписанию аварийных протоколов Института, после экстренного сброса реактора и перехода станции на резервные химические батареи, основная система связи обесточивалась первой ради экономии энергии жизнеобеспечения. Армированный кабель-трос, по которому шел стабильный оптоволоконный сигнал на спасательное судно «Академик Страхов», был физически оборван. Любая инженерная логика кричала о том, что связи с поверхностью нет и быть не может в принципе. Ни радио, ни спутник не работают под водой на такой глубине. Но мозг Димыча сейчас находился в абсолютной «слепой зоне». Он наотрез отказывался принимать сухие математические факты. Он истово, по-религиозному верил, что если он доберется до резервных гидроакустических модемов системы «Штиль-М», если он голыми руками перемкнет контакты напрямую на свинцовые батареи аварийного освещения, он сможет пробить эту десятикилометровую толщу воды и докричаться до своих.

Он крался по узким коридорам, как затравленное, загнанное в угол животное, болезненно шараясь от каждой пульсирующей тени, которую отбрасывали трубы вентиляции. Он миновал закрытые гермодвери офицерских кают, старательно, вжимаясь всем телом в противоположную стену, обходя стороной белый пластик медицинского блока. Ему казалось, что из каждого темного угла за ним пристально, не мигая следят. Что сама огромная станция смотрит на него тысячами невидимых глаз, как сытый хищник на забившуюся в угол мышь, играя с ним перед тем, как окончательно сожрать.

Тяжелая переборка в радиорубку оказалась не заперта. Димыч ввалился внутрь и первым делом, навалившись всем весом, наощупь заблокировал её за собой, с силой повернув тяжелый механический фиксатор кремальеры с внутренней стороны. Здесь было еще темнее, чем в коридоре. Вдоль стен высились черные, безмолвные монолиты серверных стоек и массивных коммуникационных панелей. На столах тускло, как мертвые рыбы глаза, поблескивали пустые экраны осциллографов и спектрометров. Воздух здесь был особенно спертым — пахло старой

высохшей изоляцией, остывшим текстолитом и тонкой ноткой озона, оставшейся после короткого замыкания во время аварии.

Механик бросился к главному пульту управления резервной гидроакустикой. Его пальцы, привыкшие чувствовать каждый микрон зазоров в турбинах, сейчас были крючковатыми и деревянными. Он лихорадочно щелкал тумблерами, до хруста крутил ребристые верньеры настройки частот, рвал на себя тяжелые эбонитовые рычаги подачи питания от аккумуляторных модулей. Ничего. Мертвый серый пластик и холодное, равнодушное железо. Ни одна зеленая лампочка не мигнула во мраке, ни один динамик не издал даже жалкого, обнадеживающего шипения статического электричества.

— Давай же... Давай! Работай, железная тварь! — отчаянно хрипел Димыч, в кровь сдирая ногти о тугие, обесточенные переключатели. — Нас здесь раздавит! Нам нечем дышать! Дай мне ток!

Он схватил с пульта тяжелые студийные наушники с мягким кожаным оголовьем, грубо натянул их на голову, не обращая внимания на боль в смятых ушах, и впился безумным, полным надежды взглядом в мертвый, серый экран цифрового гидрофона.

— «Страхов», ответьте! Это «Мирный-12»! У нас критическая авария! Произошел обрыв троса! Мы задыхаемся! Данилов ранен! Токарев... Токарев травит нас! Прием! Ответьте, мать вашу, ответьте! — истошно кричал он прямо в сетку микрофона гарнитуры, брызгая слюной на пульт.

Но в наушниках стояла лишь идеальная, абсолютная, ледяная вакуумная пустота. Это было во сто крат хуже, чем любой белый шум помех или треск статического электричества. Эта пустота была физически осязаемой. Она издевательски смеялась над ним. Она холодно, безразлично констатировала тот факт, что они уже вычеркнуты из списков живых. Закопаны заживо в самом глубоком, самом дорогом в мире стальном гробу.

И в этот самый момент натянутая до звенящего предела тонкая нить рассудка Дмитрия Петровича Кузнецова лопнула окончательно, издав беззвучный, но разрушительный звон в его голове.

Слепая, бессильная ярость, черная, горячая и липкая, мгновенно затопила его сознание, вытеснив страх. Если это дорогостоящее, высокотехнологичное оборудование мертво, если оно отказывается выполнять свою единственную функцию и спасти его жизнь, значит, оно должно быть стерто в порошок. Это была извращенная, кривая логика сумасшедшего: разрушить свою клетку изнутри, нанести ей максимальный урон, чтобы доказать самому себе, что ты еще жив и способен влиять на материальный мир.

Его безумный, мечущийся взгляд проскользнул по рубке и упал на тяжелый, полуметровый стальной пожарный ключ, забытый кем-то из матросов у основания коммуникационной стойки после последней проверки давления в огнетушителях. Димыч сорвал с головы бесполезные наушники, с силой швырнул их на рифленую палубу и схватил ключ обеими руками. Тяжелая, холодная сталь легла в мозолистые ладони с приятной, хищной уверенностью. Оружие. У него наконец-то появилось оружие против этого мертвого железа.

С диким, нечленораздельным первобытным ревом, разорвавшим тишину станции, он высоко взмахнул ключом и обрушил его прямо в центр главного монитора гидроакустической рубки. Толстое каленое стекло взорвалось ослепительным фонтаном острых брызг, больно ударив его по лицу.

— Никто нас не слышит! Никто за нами не придет! Вы все врете! Токарев врет! — орал механик срываясь на визг, нанося удар за ударом.

Тяжелый стальной ключ со страшным, сочным хрустом врезался в пластиковую лицевую панель гидроакустического модема, сминая ударопрочный корпус и кроша в мелкую пыль тонкие, беззащитные зеленые платы процессоров. Искры остаточного напряжения, скопившегося в системах, брызнули из порванных конденсаторов, осветив искаженное лицо инженера.

Димыч методично, с пугающим, ритмичным упорством машины крушил всё, до чего только мог дотянуться. Он бил по резервным рациям гражданского диапазона, корежил дорогие тумблеры, срывал со стен целые пучки толстых оптоволоконных кабелей, словно голыми руками вырывал теплые кишки у своего злейшего, ненавистного врага. Он мстил станции за то, что она стала его склепом. Оглушительный грохот бьющегося стекла, ломающегося пластика и рвущегося металла многократно усиливался в тесном, глухо изолированном помещении, полностью заглушая его собственное судорожное, астматическое дыхание.

Внезапно тяжелая дверь радиорубки глухо содрогнулась от мощного удара снаружи. Кто-то с огромной силой дернул металлическую ручку, но механический фиксатор кремальеры, намертво закрытый Димычем, надежно выдержал.

— Кузнецов! Открой дверь немедленно! Это приказ командира! — сквозь толстый слой титана и звукопоглощающей обшивки донесся приглушенный, но полный командирской, жесткой военной ярости голос Алексея Данилова.

Димыч замер на секунду, опустив ключ, тяжело, со свистом переводя дух. По его серому, осунувшемуся лицу градом катился пот, смешанный с мелкой стеклянной пылью и кровью из множества мелких царапин. Правая рука обильно кровоточила от глубокого пореза — он даже не заметил, как распорол запястье об острый край разбитого монитора. Он затравленно обернулся к запертой двери, намертво, до судорог в пальцах сжимая в побелевших кулаках изувеченный, перепачканный в крови и технической смазке пожарный ключ.

— Уйди, Леша! — истерично, сорванным, совершенно чужим голосом закричал он в ответ. — Нам конец! Мы все тут сгнием на дне! Я не хочу ждать, пока эта тварь из четвертого отсека откроет дверь и сожрет нас по одному! Мы покойники!

Дверь содрогнулась снова. На этот раз удар был такой сокрушительной силы, что массивные, приваренные к переборке петли жалобно, протяжно заскрипели. Данилов, несмотря на свою недавнюю травму ноги и тяжелую контузию, обладал чудовищной, медвежьей физической силой, а впрыснутый в кровь адреналин удваивал её. Третий удар, нанесенный, судя по гулкому звуку, чем-то исключительно тяжелым — скорее всего, снятым со стены коридора тяжелым углекислотным баллоном огнетушителя — с резким металлическим лязгом выбил заклинивший фиксатор. Замок не выдержал.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась настежь, больно ударившись о внутреннюю переборку. В проеме стоял Данилов. В пульсирующем кроваво-красном аварийном свете его перекошенное от гнева, покрытое щетиной и грязью невыспавшееся лицо выглядело как маска мстительного божества, явившегося вершить суд. За его широкой, закрывающей весь дверной проем спиной, в глубокой тени коридора, маячила высокая, абсолютно спокойная, неподвижная фигура Доктора Токарева в безупречно белом, накрахмаленном медицинском халате.

Капитан тяжело переступил через комингс, сделал шаг внутрь и быстро, цепко, по-военному оценил масштаб разрушений. Радиорубка была превращена в высокотехнологичную, искрящую, мертвую свалку. Единственный, пусть даже чисто теоретический, призрачный шанс на восстановление связи с поверхностью был только что методично и безвозвратно уничтожен руками его собственного, когда-то самого надежного и лучшего механика.

— Что ты наделал, дурак?! — прорывал Данилов, и в его севшем голосе смешались слепая ярость и глубокое, черное отчаяние командира, теряющего контроль над кораблем. — Ты своими руками угробил резервный контур! Ты лишил нас шанса!

— Он не работал! Ничего не работает! Мы покойники, командир! Признай это, наконец! — Димыч попятился назад, вглубь разгромленной рубки, спотыкаясь о выдранные провода, выставив перед собой тяжелый окровавленный ключ, словно защищаясь от невидимых демонов. В его расширенных зрачках плескалось чистое, неразбавленное безумие. — Не подходи ко мне! Я не дам запереть себя здесь! Вы все заодно!

Данилов не стал тратить драгоценное время и остатки кислорода на бессмысленные увещания или психологические уговоры. В три огромных, стремительных шага он преодолел расстояние между ними, абсолютно игнорируя дико замахнувшегося для удара Димыча. Капитан профессионально, на инстинктах спецназа, нырнул под неуклюжий, но смертоносный размашистый удар тяжелого ключа, который со свистом рассек спертый воздух в сантиметре над его головой, и всей своей огромной мышечной массой врезался в грудь механика.

Они с грохотом рухнули на пол прямо в острое крошево из разбитого стекла, вырванных микросхем и острых обломков пластика. Димыч отчаянно, по-звериному извивался под тяжестью командира, пытаясь выдавить капитану глаза свободной левой рукой, но Данилов действовал предельно жестко и безжалостно, как в рукопашном бою насмерть. Он перехватил грязное запястье механика, без церемоний выкрутил его на жесткий болевой излом до хруста в суставе и навалился на него всем своим тяжелым телом, намертво придавливая к рифленой палубе.

— Успокойся, Димыч! Лежать, я сказал! — рычал Данилов, тяжело дыша прямо в перекошенное, покрытое пеной лицо вырывающемуся инженеру.

Но Кузнецов не сдавался. Животная паника давала ему нечеловеческую, истерическую силу выживания. Он отчаянно сучил ногами в тяжелых ботинках, завывал, пуская белую пену изо рта, и в слепой ярости пытался укунить капитана за предплечье, щелкая зубами у самого лица Данилова.

В этот критический момент в их жестокую, первобытную возню на полу плавно и совершенно бесшумно вмешался Доктор Токарев. Врач не кричал, не суетился, не делал резких или лишних движений. Он просто подошел вплотную к борющимся на полу мужчинам, изящно присел на корточки, инстинктивно подбирая позы, стараясь не испачкать свой безупречно чистый халат в натекшей крови и размазанном машинном масле. В его длинных, ни на миллиметр не дрожащих пальцах был уже наготове зажат прозрачный пластиковый шприц с толстой стальной иглой, наполненный мутноватой жидкостью.

— Держите его крепче, Алексей Николаевич. Жесткая фиксация предплечья и бедра, не дайте ему дернуться, — ровным, сухим, абсолютно академическим тоном скомандовал врач, словно рутинно диктуя ход несложной операции молодому ассистенту.

Данилов с глухим, измученным рычанием прижал бьющегося Димыча к полу, всей тяжестью навалившись на его ноги. Токарев молниеносно, с пугающей, отработанной годами хирургической точностью, вонзил длинную иглу прямо сквозь плотную ткань форменного комбинезона в бедро обезумевшего механика и плавно, до самого упора выдавил содержимое ампулы.

Действие экспериментального психотропного препарата на этот раз было почти мгновенным. Буквально через десять секунд дикие, неконтролируемые конвульсии Димыча начали заметно ослабевать. Его звериный, надрывный вой перешел в булькающий, сдавленный хрип, налитые кровью глаза медленно закатились, обнажив желтоватые белки с полопнувшимися капиллярами, а напряженные как стальные канаты мышцы превратились в безвольное, мягкое желе. Тело механика обмякло на полу среди разбитой аппаратуры.

Капитан Данилов, тяжело, со свистом отдуваясь, медленно поднялся на ноги. Он вытер порванным рукавом грязный, щиплющий глаза пот со лба. Оглянувшись, он с непреодолимым отвращением пнул валяющийся на полу окровавленный пожарный ключ в дальний угол рубки. Металл звякнул о переборку.

— Что с ним, Доктор? Он совсем рехнулся, — хрипло, совершенно опустошенно спросил командир, глядя сверху вниз на обмякшее, жалобно постанывающее тело своего старшего инженера, с которым они когда-то вместе вытягивали станцию из самых тяжелых ситуаций. — Посмотрите вокруг. Он уничтожил рубку. Уничтожил всё. Наши шансы на сигнал равны нулю.

Токарев неторопливо поднялся, распрямив спину, аккуратно закрыл использованный шприц пластиковым колпачком и педантично убрал его в нагрудный карман. На его интел-

лигентном, бледном лице отразилась лишь глубокая, искренняя профессиональная усталость опытного врача, который вынужден применять жесткое насилие исключительно во благо самого пациента и безопасности окружающих.

— Острый клаустрофобический психоз, осложненный тяжелейшим приступом панической атаки и нарастающей церебральной гипоксией, — безапелляционно, сухо чеканя каждое слово неутешительного диагноза, выдал Токарев. — Я, признаться, опасался именно такого, радикального и стремительного развития событий. Его нервная система просто не выдержала осознания замкнутого, глубоководного изолированного пространства. То, что мы все видели у гермодверей четвертого отсека, стало для него критическим психологическим триггером. Разум сломался, пытаюсь найти физический выход там, где его объективно нет.

Димыч, всё еще находящийся на шаткой грани угасающего сознания, слабо, протяжно застонал на полу. Его остекленевший, полный животного, невыразимого ужаса взгляд с огромным трудом сфокусировался на белом халате Токарева. В воспаленном, отравленном мозгу инженера, где всякая техническая логика окончательно уступила место химическому хаосу, именно это ледяное, идеальное спокойствие врача казалось сейчас самым страшным, самым неестественным явлением на борту тонущей станции.

— Это... он... — пересохшие, искусанные в кровь губы Димыча едва заметно шевелились, с огромным трудом выдавливая непослушные слова вместе с кровавыми пузырями слюны. — Он нас... уби... он...

Капитан Данилов глубоко нахмурился, услышав этот невнятный, абсолютно абсурдный бред своего подчиненного.

— Что он там несет? О чем он бредит?

Доктор Токарев снисходительно, с тяжелым, полным врачебного сочувствия вздохом покачал головой, привычным жестом поправляя очки на переносице.

— Классическая параноидальная проекция, Алексей Николаевич. Больной, разрушающийся под давлением стресса разум отчаянно ищет внешнего, осязаемого врага, чтобы хоть как-то оправдать свой собственный внутренний крах. Это защитный механизм. Сейчас, в бреду, он видит угрозу во мне, потому что я сделал ему больно уколom и остановил его. Завтра, когда препарат ослабит действие, он увидит угрозу в вас, а послезавтра решит, что Елена — саботажник. Он глубоко, клинически болен. Боюсь, в условиях автономного плавания и полного отсутствия специализированной психиатрической помощи это необратимо.

Врач перевел прямой, строгий и уверенный взгляд на смертельно уставшего командира.

— Капитан, как начальник медицинской службы нашей экспедиции, я официально заявляю: старший механик Дмитрий Кузнецов представляет прямую, неминуемую и смертельную угрозу физической целостности станции и жизни всего экипажа. Если бы вы сейчас не успели выбить эту дверь, он мог бы в приступе паники начать крушить гермопереборки, клапаны высокого давления или системы регенерации. Я настаиваю на его немедленной, полной изоляции в медицинском боксе.

Данилов обвел тяжелым, погасшим взглядом разгромленную радиорубку, посмотрел на искрящие, вырванные с мясом провода, которые еще час назад были их последней, пусть и прозрачной надеждой на связь с домом, а затем перевел глаза на пускающего розовую слюну механика на полу. Иллюзий больше не оставалось. Никакой мистики здесь не было — только сломанная человеческая психика. Токарев был абсолютно, пугающе прав в каждом своем слове.

— Добро, Доктор. Ваше медицинское заключение официально принято, — тяжело, словно своими собственными руками заколачивая гвоздь в крышку гроба, произнес Данилов. — Берем его. Тащим в медицинский блок и фиксируем ремнями к койке намертво.

Они вдвоем подняли тяжелое, обмякшее тело механика. Когда они тащили Димыча по длинному, залитому красным аварийным светом коридору, он всё еще слабо пытался сучить непослушными ногами и жалобно мычать, не отрывая своего гаснущего, полного ужаса взгляда

от спины Токарева, но капитан лишь крепче, до синяков перехватил его за голени. Данилов, несмотря на жгучую горечь от потери радиорубки, в глубине души был сейчас безмерно благодарен врачу. Если бы не этот быстрый, хладнокровный профессиональный укол, обезумевший Кузнецов разбил бы тяжелым ключом не только дорогостоящий гидроакустический передатчик, но и пробил бы чью-нибудь голову.

В эту бесконечно долгую, удушливую ночь на борту станции «Мирный-12» официально появился первый сумасшедший. И это стремительное, неотвратимое крушение человеческого разума пугало капитана куда больше, чем загадочный черный камень, неподвижно лежащий в кают-компани.

ГЛАВА 7. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Чувство вины — это далеко не абстрактная, эфемерная моральная категория, о которой любят рассуждать философы и священники в теплых, безопасных кабинетах. В условиях жесточайшей глубоководной изоляции, помноженное на нарастающую, коварную гипоксию, это чувство обретает совершенно четкие, безжалостные физиологические симптомы. Оно становится материальным. Оно разъедает слизистую желудка едкой, бурлящей кислотой, заставляет сердце биться с мучительными, болезненными аритмичными переборами, бросает тело то в ледяной озноб, то в лихорадочный жар. И, что самое страшное для профессионального инженера, чья жизнь и работа зависят от точности движений, оно вызывает мелкий, абсолютно неконтролируемый высокочастотный тремор пальцев.

Елена Дмитриевна Громова сидела на корточках в самом конце узкого, заставленного тяжелыми свинцовыми ящиками отсека резервных аккумуляторных батарей, и этот мерзкий тремор сводил её с ума.

Здесь было невыносимо, удушающе жарко. Климатическая установка жилого модуля, переведенная Доктором Токаревым в режим экстремальной, жестокой экономии энергии, едва-едва гоняла по лабиринтам отсеков застоявшийся, кислый, многократно переработанный легкими воздух. Однако температура именно в аккумуляторной, несмотря на общее ледяное дыхание океана за бортом и постепенное похолодание всей станции, стабильно держалась на отметке выше тридцати градусов. Это был естественный побочный эффект: массивные свинцово-кислотные элементы, принявшие на себя всю колоссальную нагрузку после экстренного глушения атомного реактора, непрерывно химически разогревались, отдавая в воздух тяжелый, душный жар.

Воздух здесь был настолько густым, что казался сиропом. Он был насквозь пропитан едкими парами кипящего электролита, резким запахом озона и застарелым, кислым потом подводников. Каждый вдох давался с заметным усилием, обжигая носоглотку.

Елена попыталась стереть едкий, заливающий глаза пот со лба тыльной стороной левой ладони, но лишь сильнее размазала по бледному лицу густую черную техническую сажу. Её правая рука, плотно примотанная широким эластичным бинтом к туловищу после болезненного вывиха, пульсировала тупой, непрекращающейся, изматывающей болью. Любое неловкое движение отдавалось острой вспышкой в плечевом суставе.

Но гораздо сильнее, невыносимее разорванных связок болела её душа.

Каждый раз, устало закрывая воспаленные, слезящиеся от испарений кислоты глаза, она как наяву видела перед собой измученное, посеревшее, постаревшее за одни сутки лицо капитана Данилова. Она снова и снова, как заезженную пленку, слышала его хриплый голос, полный отчаянной, цепляющейся за логику надежды: *«Сколько у нас реального времени, Лена? Дай мне сухие цифры».*

И она с содроганием слышала свой собственный, предательски ровный, отчеканенный по-военному ответ: *«Одиннадцать дней, командир».*

Она солгала. Грубо, цинично, глядя прямо в глаза человеку, с которым ходила в сложнейшие автономки последние десять лет. Человеку, который доверял её инженерным расчетам больше, чем показаниям собственных приборов. Она поверила железной, бесчеловечной, хирургической логике Андрея Токарева о жестокой необходимости сохранения боевого духа командира. Но теперь эта ложь ядовитым, удушающим плющом оплетала её сознание, не давая нормально дышать.

Реальность, которую знала только она, была в сто крат страшнее любых параноидальных галлюцинаций. После дикой, разрушительной истерики Димыча, который перед тем как получить конскую дозу транквилизатора, бился в конвульсиях и дышал как загнанная лошадь, сжигая тонны драгоценного кислорода, запасов воздуха оставалось от силы на пять, может быть, на шесть полных суток. Они все уже были ходячими мертвецами. Они были трупами, которые просто еще не осознали этого факта, медленно задыхающимися в герметичной титановой консервной банке на дне самого черного океана. И она была единственной (кроме Доктора), кто доподлинно знал точную дату их неизбежной смерти.

Елена с огромным трудом сфокусировала помутневший, расплывающийся взгляд на открытом нутре главного распределительного щитка. Ей нужно было срочно, в течение ближайших получаса, перебросить толстые силовые кабели. После того как обезумевший Кузнецов в припадке разнес гидроакустическую рубку тяжелым пожарным ключом, в локальной сети произошло каскадное короткое замыкание. Умная автоматика отсекла поврежденный сегмент, чтобы избежать пожара, но вместе с ним, по роковому стечению обстоятельств, отрубилась и критически важная часть резервного питания, питающего байпасы системы химической регенерации воздуха в жилом модуле.

Если сейчас не восстановить цепь в обход разгромленной связи, перекинув клеммы напрямую, химические фильтры остановятся окончательно уже через пару часов. Реакция пероксида натрия прекратится. И тогда они начнут задыхаться не через пять долгих дней, а уже к этому утру. Воздух просто станет непригодным для дыхания, превратившись в ядовитый коктейль из CO₂.

Она была главным инженером экспедиции. Это была её прямая, уставная работа. В обычных условиях, на поверхности или во время штатного плавания, эта тривиальная техническая задача заняла бы у нее не более двадцати минут неспешной возни. Но сейчас, в этом пекле, с одной работающей рукой и отравленным мозгом...

Тусклый, пульсирующий свет аварийных красных ламп безжалостно искажал цвета изоляции проводов. Желтые маркировочные полосы казались кроваво-оранжевыми, синие кабели сливались с черными минусовыми фазами. Уровень углекислого газа, заботливо и скрытно поддерживаемый Токаревым на повышенной отметке в вентиляции, превращал её мысли в вязкий, неповоротливый кисель. Сосредоточиться на простой электрической схеме было так же сложно, как решать дифференциальные уравнения в эпицентре урагана.

«Соберись, Лена. Возьми себя в руки, черт возьми. Тебе нужно просто соединить плюсовую фазу на обходное реле. Синий кабель к синему клеммнику, через зажимную колодку», — жестко приказала она сама себе шепотом, до боли кусая пересохшие, потрескавшиеся губы, пока во рту не появился солоноватый вкус крови. Это помогало хоть немного прояснить сознание.

Она осторожно взяла в левую, здоровую руку массивные, тяжелые пассатижи с толстыми, зачищенными диэлектрической изоляцией ручками. Инструмент казался невероятно тяжелым, словно был отлит из свинца. Пальцы предательски дрожали мелкой, противной, вибрирующей дрожью. Она попыталась унять этот проклятый тремор, жестко прижав локоть левой руки к выставленному вперед колену, пытаясь создать жесткий рычаг, но тело отказывалось подчиняться приказам разума. Нарастающая гипоксия брала свое — моторные функции и координация движений стремительно деградировали.

Она тяжело выдохнула, подцепила губками пассатижей толстый медный кабель, покрытый плотной, тугоплавкой пластиковой оплеткой. Ей нужно было всего лишь аккуратно завести зачищенный, оголенный конец провода в узкий, миллиметровый паз медной контактной группы и затянуть сверху прижимной стальной винт. Простое, механическое, рутинное действие, которое она проделывала тысячи раз в своей жизни.

Елена затаила дыхание, чтобы случайным вздохом не сбить прицел. Грудь горела огнем. Зачищенный конец медного кабеля со скрипом скользнул в направляющий паз. Отлично. Половина дела сделана. Теперь нужно было отложить пассатижи, не выпустив при этом упругий провод, и взять шлицевую отвертку, чтобы затянуть винт. Отвертка лежала совсем рядом, на краешке свинцового аккумуляторного ящика, в каких-то двадцати сантиметрах от её бедра.

Она медленно, контролируя каждый миллиметр своего движения, потянулась за отверткой.

В этот самый момент где-то в глубоких недрах многотонной конструкции, прямо под металлическими плитами палубы, раздался глухой, протяжный, утробный стон остывающего, сжимающегося титанового корпуса. Станция проседала глубже в донный ил, и давление океана заново проверяло на прочность каждый сварной шов. Звук был таким низким, вибрирующим и неожиданно жутким, что Елена, чьи нервы и так были натянуты как гитарные струны, инстинктивно, всем телом вздрогнула.

Пассатижи в её дрожащей левой руке дернулись в сторону буквально на пару несчастных миллиметров. Но этого крошечного смещения хватило.

Упругий, жесткий кабель выскочил из направляющего паза. Оголенный, зачищенный от изоляции толстый медный конец плюсовой фазы, неконтролируемо спружинив, с размаху ударил по соседней, оголенной шине минусового контакта, которая в этот момент находилась под полным рабочим напряжением от всего каскада свинцовых батарей.

Вспышка была чудовищно яркой, ослепительной, неземной. Она мгновенно выжгла красную капиллярную сетку на сетчатке глаза, болезненно превратив красный полумрак отсека в раскаленное, белое, слепящее пятно. Раздался оглушительный, сухой и хлесткий треск, похожий на выстрел из крупнокалиберного пистолета в закрытом помещении. Мощная электрическая дуга, сине-фиолетовая, жирная и безжалостная, с хищным, змеиным шипением перепрыгнула между закороченными контактами. Температура в эпицентре замыкания мгновенно подскочила до тысяч градусов.

— Твою мать! — истошно закричала Елена, инстинктивно отшатываясь назад. Ноги не удержали её, и она рухнула на спину, больно ударившись лопатками прямо на жесткий, рифленый титановый пол аккумуляторной.

Пассатижи, вырванные из пальцев электромагнитным ударом, с громким звоном отлетели в темный угол. Из раскрытого зева распределительного щитка, словно из пасти дракона, вырвался густой, фонтанирующий сноп ярких, раскаленных искр, осыпавших её форменный комбинезон. В следующую секунду старая, пересохшая пластиковая изоляция на силовых кабелях вспыхнула ярким, желтым пламенем с жадным, чавкающим звуком.

Токсичный, душливый, густой черный дым горящего полимера и плавящейся меди мгновенно, клубами начал заполнять тесное, лишённое нормальной вентиляции пространство аккумуляторного отсека. Воздух, которого и так катастрофически не хватало, за секунды превратился в плотный, едкий, выжигающий легкие ядовитый газ.

Елена судорожно закашлялась, чувствуя, как черный дым режет изнутри горло, словно битое стекло. Глаза моментально заслезились, отвечая на химический ожог. Она с трудом перекатилась на бок, болезненно опираясь на здоровую руку, и в слепой панике огляделась. Желтые языки огня уже весело плясали по толстым пучкам соседних проводов, пожирая изоляцию, продвигаясь вглубь щитка. Если это открытое пламя доберется до массивных свинцовых банок с кипящим кислотным электролитом, выделяющим водород — произойдет объемный взрыв.

Взрыв газа. И тогда девять с половиной километров плотной океанской воды над их головами мгновенно и очень быстро закончат их страдания, просто расплющив станцию.

— Огнетушитель... мне нужен огнетушитель! — сипло, с надрывом хрипела она, задыхаясь от кашля. Она поползла по полу на коленях, слепо, как крот, шаря здоровой рукой по горячим металлическим стенам. Глаза слезились так сильно, что она почти ничего не видела сквозь стремительно густеющую завесу едкого черного дыма.

Спустя вечность её пальцы нащупали холодный, цилиндрический, тяжелый корпус штатного углекислотного баллона, надежно закрепленного в стальном настенном кронштейне. Рванув металлическую защелку с такой силой, что содрала кожу на костяшках, она вытащила тяжелый баллон из пазов. Забыв о боли в вывихнутом плече, она сорвала зубами металлическую чеку и, едва удерживая тяжелый неповоротливый раструб одной левой рукой, направила его прямо в ревущее жерло полыхающего распределительного щитка.

Она с силой нажала на спусковой рычаг. Струя густой, белой, ледяной углекислоты с оглушительным реактивным ревом ударила в щиток. Давление газа было таким сильным, что Елену едва не отбросило назад. Углекислота беспощадно сбивала пляшущее пламя, мгновенно вытесняя кислород и покрывая расплавленные, светящиеся красным провода толстой коркой серого инея. Елена давила на рычаг изо всех сил, не отпуская, до тех самых пор, пока тяжелый красный баллон не задрожал в руках и не начал возмущенно, прерывисто фыркать, выплевывая из раструба лишь жалкие, остаточные порции холодного белого пара.

Огонь погас. Но вместе с ним окончательно и бесповоротно погасли и все остатки света в отсеке. Две уцелевшие красные аварийные лампы под потолком судорожно мигнули несколько раз, издали предсмертный писк дросселей и умерли навсегда.

Наступила непроглядная, могильная, густая темнота. Темнота, в которой теперь отчетливо слышалось лишь тяжелое, свистящее, булькающее дыхание стоящей на коленях Елены и легкое, остывающее потрескивание расплавленного пластика внутри сожженного щитка.

Резервный контур был уничтожен. Окончательно. Своими собственными дрожащими руками, из-за банального животного страха и потери концентрации, она только что дотла сожгла главный распределительный узел, обеспечивающий бесперебойное питание последних фильтров углекислого газа.

Елена сидела на грязном рифленом полу в этой крошечной, черной тьме, низко опустив голову, обхватив её здоровой рукой, и тихо, беззвучно, вздрагивая всем телом плакала от бессилия, ярости на саму себя и накатывающего липкого ужаса. Она подвела их всех. Её тремор, её страх, её непростительная инженерная ошибка... Она сама только что подписала им всем смертный приговор, сократив и без того ничтожные сроки выживания до смешного минимума.

Внезапно тяжелая, задраенная дверь в отсек с оглушительным грохотом распахнулась, ударившись о стопор. Ослепительно белый, мощный луч тактического фонаря, словно меч, разрезал клубящийся густой черный дым, безжалостно выхватив из темноты жалкую фигуру съезжившейся на полу, перепачканной сажей женщины.

— Громова! Какого дьявола здесь происходит?! — голос капитана Данилова гремел в тесном, глухом пространстве аккумуляторной, многократно отражаясь от свинцовых ящиков, как громовой раскат.

Алексей Николаевич грубо, отпихнув створку двери, шагнул в дымящийся отсек. Он был без кителя, в одной пропотевшей, прилипшей к телу тельняшке, обнажающей мощные, покрытые старыми армейскими татуировками плечи. В левой руке он крепко сжимал тяжелый металлический фонарь, а правая ладонь инстинктивно, по привычке выработанной в горячих точках, лежала на расстегнутой кобуре с табельным пистолетом Макарова, который капитан не снимал с пояса с момента аварии. Капитан тяжело, со свистом дышал, широко раздувая ноздри, с подозрением втягивая едкий, ядовитый запах горелой проводки и остывающего пластика.

— Алексей Николаевич... я... командир, я пыталась перебросить фазу... — Елена начала неуклюже, цепляясь за ящики, подниматься на непослушные ноги, мучительно кашляя и размазывая грязные слезы по перепачканному сажей лицу. — После того как Димыч разбил гидроакустическую рубку, цепь разомкнулась автоматом. Я хотела бросить прямой байпас в обход на фильтры регенерации.

Данилов не проронил ни слова. Он молча, тяжелой поступью подошел вплотную к оплавленному, изуродованному и все еще дымящемуся распределительному щитку. Луч его яркого фонаря медленно, словно луч прожектора конвоира, скользнул по обугленным, почерневшим толстым проводам, расплавленным в капли медным клеммам и блестящим лужам застывшего пластика на полу. Лицо командира в резком, контрастном свете фонаря выглядело абсолютно каменным, застывшим, непроницаемым. И от этой мертвой непроницаемости веяло такой жутью, что Елене захотелось снова провалиться в темноту.

— Ты пыталась перебросить силовую фазу, — медленно, процедив каждое глухое слово сквозь плотно стиснутые челюсти, повторил капитан, не глядя на нее. — И вместо этого устроила пожар в аккумуляторной, в самом сердце энергетической системы. Ты хоть понимаешь, инженер, что если бы эти свинцовые банки взорвались от перегрева, мы бы сейчас собирали свои кишки по всей станции?

— Это была случайность! Командир, клянусь, у меня рука дрогнула! — Елена с искренней мольбой посмотрела на командира, отчаянно ища в его воспаленных, покрасневших глазах хоть каплю былого понимания, хоть тень их десятилетней дружбы. — Тут темно, воздух отравлен, я задыхаюсь... Я просто физически не удержала жесткий кабель, и он соскочил на минус.

Данилов снова ничего не ответил. Он медленно, с пугающей плавностью перевел слепящий луч фонаря с сожженного щитка прямо в перепачканное лицо Елены. Острый свет больно ударил по глазам, заставив её крепко зажмуриться и инстинктивно прикрыть лицо дрожащей ладонью.

— Случайность, значит... — голос капитана стал неестественно, опасно тихим. В нем отчетливо прорезались те самые ледяные, скрежещущие, параноидальные нотки, которых Елена так боялась услышать. Нотки человека, который больше никому не верит. — Слишком много фатальных случайностей для одних суток погружения, Громова. Не находишь?

— О чем вы говорите, Алексей Николаевич?

— Я говорю о том, что моя исследовательская станция прямо сейчас разваливается на куски, — чеканя слоги, произнес Данилов, делая шаг к ней. — И это делают не чудовищное давление океана, не усталость металла и не мифические твари за бортом, в которых верит Бобров. Это делают мои собственные люди. — Его огромная, заслоняющая выход фигура угрожающе нависла над инженером. — Сначала мой лучший старший механик Кузнецов внезапно ловит «клаустрофобию» и огромным гаечным ключом в мелкие щепки разносит единственную на борту рубку связи. А всего через час после этого мой главный инженер, надежный человек с пятнадцатилетним стажем, который с закрытыми глазами может перебрать атомный реактор, вдруг «совершенно случайно» устраивает короткое замыкание. И сжигает контур питания кислородных фильтров.

Елена почувствовала, как по её взмокшей спине, прямо под плотной тканью комбинезона, пробежал неприятный, липкий, обжигающий холодок. Она почти физически, отчетливо услышала, как в воспаленном, измученном мозгу капитана со щелчком переключился невидимый тумблер. Семя подозрения, посеянное катастрофой и щедро, методично политое токсичным воздухом Доктора Токарева, дало свои первые, ядовитые и цепкие всходы.

— Вы... вы что, подозреваете меня? Меня — в саботаже?! — её голос от возмущения и обиды сорвался на хриплый шепот. — Алексей Николаевич, вы в своем уме?! Я точно так же заперта в этой проклятой бочке, как и вы! Я пыталась нас спасти, я рисковала собой!

— Спассти? — Данилов горько, сухо, без малейшей тени улыбки усмехнулся. Эта усмешка была похожа на оскал. — А мне вот Димыч, перед тем, как Доктор его вырубил, сказал кое-что очень интересное. Он кричал, что нас здесь убивают. Что кто-то делает это специально, своими руками. Я тогда, дурак, решил, что он просто окончательно спятил от страха. Но теперь я стою здесь, смотрю на этот дотла сожженный тобой щиток, смотрю на твои бегающие, испуганные глаза, Лена... И начинаю думать, что в бреде сумасшедшего иногда скрывается гораздо больше правды, чем в красивых, гладких рапортах здоровых.

— Он кричал про Доктора! Не про меня! Он смотрел на Токарева! — Елена в отчаянии сделала неверный шаг к нему, желая оправдаться, но Данилов жестко выставил вперед свободную левую руку, уперев её в грудь Елены, останавливая её продвижение.

— Доктор Андрей Сергеевич — единственный человек на этом проклятом борту, кто делает свое прямое дело, не ломая при этом станцию! — яростно рявкнул Данилов, и эхо его голоса ударило по барабанным перепонкам. — Он вытащил меня с того света после удара головой. Он профессионально и быстро купировал истерику обезумевшего механика, когда тот чуть не пробил переборку. А что делаешь ты, инженер? Ты врешь мне, Громова!

Это слово ударило Елену сильнее, чем звонкая пощечина. Воздух мгновенно выбило из легких, словно её ударили под дых.

— Я... я не вру вам, командир... — слабо, потерянно пролепетала она, чувствуя, как стальная палуба уходит из-под ног. Неужели он догадался? Неужели он понял про ложь об одиннадцати днях кислорода?

— Врешь, — уверенно, жестко, как безжалостный военный следователь на ночном допросе, констатировал капитан. Яркий, сфокусированный луч фонаря ни на секунду не отрывался от её перепачканного лица, фиксируя, словно камера, малейшие изменения её мимики. — Там, в коридоре, час назад, ты бодро доложила мне, что у нас целых одиннадцать дней воздуха и что все системы жизнеобеспечения в полном порядке. Но ты прятала глаза. Ты нервно сжимала руки. Я знаю тебя десять лет, Лена. Мы с тобой через ад проходили. Я знаю, как ты выглядишь, когда скрываешь от меня дерьмо. А теперь ты втихаря приходишь сюда и сжигаешь контур регенерации. Зачем? Отвечай мне!

— Это была случайность! У меня дикий тремор от углекислоты! Посмотрите на мои руки! — она вытянула левую, перепачканную сажей ладонь вперед, прямо под луч света. Пальцы действительно мелко, безостановочно, жалко дрожали.

— Или, может быть, ты, как грамотный инженер, всё правильно посчитала и поняла, что воздуха на всех нас не хватит? — Данилов словно оглох и не слышал её оправданий. Его воспаленный разум уже стремительно и логично строил свою собственную, железобетонную параноидальную картину мира. — Может, ты всё сухо просчитала на калькуляторе? Поняла, что нас слишком много на этот крошечный остаточный объем кислорода? Димыч заперт в изоляторе, Паша лежит при смерти. Остались активными я, Бобров, ты и Токарев. Если фильтры сгорят "случайно", кто-то задохнется первым. Дышать станет легче. А у инженера станции всегда есть монополярный доступ к резервным аварийным баллонам в нижнем техническом трюме... Решила продержаться до прихода спасателей за наш счет?

— Прекратите! — Елена не выдержала этого бреда и сорвалась на истеричный крик. — Это полное безумие! Вы отравлены углекислотой, капитан! Ваш мозг играет с вами в злые шутки! Я никогда, слышите, никогда бы не пожертвовала своим экипажем ради собственной шкуры!

Ей отчаянно захотелось выложить ему всё прямо сейчас. Захотелось крикнуть, что это именно его любимый Доктор Токарев заставил её солгать, что воздуха осталось на неделю, что это Токарев цинично манипулирует ими всеми ради сохранения мнимого спокойствия. Но слова комом застряли в пересохшем горле. Если она сейчас признается в сговоре с Токаревым, она лишь окончательно подтвердит самые худшие подозрения Данилова в том, что она

двуличная лгунья и предательница, плетушая интриги за его спиной. Ловушка хитроумного Доктора захлопнулась вокруг её шеи идеально, без единого зазора. Она была намертво повязана круговой порукой собственной же лжи. Ей не было пути назад.

Данилов смотрел на неё долгим, тяжелым, изучающим взглядом. В этом темном, немигающем взгляде больше не было ни капли прежнего доверия, ни теплоты многолетней боевой дружбы. Там осталась только звериная настороженность загнанного, раненого хищника, готового в любой момент вцепиться в горло потенциальной угрозе.

— Собери свой инструмент с пола, Громова, — ледяным, сухим, сугубо официальным уставным тоном приказал капитан, медленно опуская фонарь, погружая её лицо в тень. — И чтобы я больше не видел тебя ни у одного распределительного щитка, ни у одной задвижки на этой станции без моего личного, прямого приказа.

— Вы... вы отстраняете меня от ремонта? — Елена не верила своим ушам. Это был приговор станции. — Но без меня все оставшиеся системы рухнут за сутки! Вы ничего не смыслите в сложных байпасах регенерации!

— Я смыслю в выживании своего экипажа. Я лучше задохнусь в темноте через неделю, чем сгорю заживо сегодня в аккумуляторной по твоей тщательно спланированной "случайности", — отрезал Данилов. Его широкая, мозолистая рука демонстративно, недвусмысленно и угрожающе легла на рифленую рукоять пистолета в кобуре. Он отстегнул ремешок. — Иди в свою каюту. Немедленно. Это прямой приказ командира. И запри за собой дверь изнутри. Для твоей же собственной безопасности.

Елена судорожно сглотнула подступивший к самому горлу ком горькой, удушающей обиды и слез. Спорить с человеком, держащим руку на оружии, было бессмысленно. Она молча, преодолевая боль в плече, нагнулась, подняла с грязного пола тяжелые пассатижи и, не поднимая глаз на своего командира, осторожно протиснулась мимо его массивной фигуры к выходу из отсека.

Капитан Алексей Данилов остался совершенно один в густой, пахнущей гарью темноте, освещаемой лишь узким белым лучом его тактического фонаря. Он долго, не моргая смотрел на дымящийся, оплавленный, мертвый электрический щиток. Его сильный мозг, лишенный нормального притока живительного кислорода, медленно, но абсолютно верно погружался в вязкую, черную пучину тотальной подозрительности.

Картина мира в его голове складывалась в ужасающий пазл. Лучший механик сошел с ума от страха и разнес рубку. Главный инженер беспардонно лжет ему в глаза и целенаправленно сжигает жизненно важное оборудование, чтобы сберечь кислород для себя. Гениальный физик заперся в кают-компаниях с камнем и молится ему как божееству.

«Наш главный, самый страшный враг находится не за бортом», — мрачно, с тяжелым сердцем подумал Данилов, привычным движением большого пальца проверяя легкость хода пистолета в кобуре и защелкивая предохранитель. — «Наш враг сидит внутри нас. И я должен быть готов без колебаний стрелять в любого из них, если они еще раз попытаются нас убить».

Паранойя пустила свои глубокие, отравленные корни в темных стальных коридорах умирающей станции «Мирный-12». Командир остался один на один с экипажем, который на глазах превращался в стаю испуганных, готовых на всё волков. И теперь на всей этой огромной, тонущей станции Данилов по-настоящему доверял только одному человеку.

Человеку в белом халате, который еще ни разу не совершил ошибки.

ГЛАВА 8. ИДОЛ

Для человека, посвятившего всю свою сознательную жизнь строгой, безупречной математической логике и фундаментальной теоретической физике, в природе не существует ничего страшнее внезапного, лобового столкновения с абсолютной, зияющей иррациональностью. На протяжении десятилетий формулы Ньютона, уравнения Максвелла и постулаты Эйнштейна

служили для Валентина Эдуардовича Боброва надежным, пуленепробиваемым щитом от первобытного хаоса огромной Вселенной. Математика была его религией, константы — его святыми, а предсказуемость физических законов — гарантией того, что мир не рухнет в одночасье.

Но когда эта железобетонная система координат внезапно рассыпается в мелкий радиоактивный прах, оставляя пылливый человеческий разум совершенно голым, слепым и беззащитным перед лицом непознаваемого, психика начинает судорожно искать пути для спасения. И чаще всего, за неимением других инструментов, она находит этот выход в самой древней, самой примитивной и унижительной форме психологической защиты — в слепой, истовой, почти фанатичной вере.

Доктор физико-математических наук, ведущий специалист крупнейшего государственного исследовательского института Валентин Эдуардович Бобров сидел на холодном, грязном рифленом полу разгромленной кают-компания глубоководной станции «Мирный-12» и, не мигая, смотрел на бога.

Бог представлял собой идеально правильный, многогранный кусок абсолютно черной, матовой, поглощающей любой квант света материи. Это был Объект номер четыре. Тот самый загадочный камень, поднятый их манипуляторами с илистого дна Марианской впадины, из той немислимой, неизведанной, раздавливающей бездны, где по всем законам природы не должно было существовать ничего, кроме слепых, прозрачных глубоководных ракообразных, черных курильщиков и вечного ледяного мрака.

Просторная кают-компания, когда-то бывшая самым теплым и уютным местом на всей огромной станции, где уставший после вахт экипаж традиционно собирался за вечерним чаем, смотрел старые советские комедии на проекторе и травил бесконечные флотские байки, теперь превратилась в зловещее, вымершее, сюрреалистическое святилище. Тяжелые пластиковые столы, прикрученные к палубе, были грубо сдвинуты к переборкам или перевернуты вверх ногами, словно после корабельного бунта. Стулья валялись по темным углам с погнутыми или сломанными пополам алюминиевыми ножками. Из-за введенного режима экстремальной экономии бортовой энергии здесь горел лишь один-единственный аварийный светодиодный светильник, скрытый под решетчатым потолком. Он заливал разрушенное помещение тусклым, медленно пульсирующим, тревожным кроваво-красным светом, похожим на свет в провочной комнате фотографа.

Но этот красный свет почему-то совершенно не ложился на Артефакт. Бобров, с красными, воспаленными от многодневной бессонницы, лопнувших капилляров и сухого отравленного воздуха глазами, замороженно наблюдал за невозможным оптическим явлением. Он видел, как тяжелые красные фотоны словно вязнут, физически тонут в бесконечных матовых гранях многогранника, не в силах отразиться от его поверхности обратно в пространство. Объект не отбрасывал бликов. Камень не просто пассивно лежал на металлическом полу — он агрессивно доминировал над всем окружающим пространством. Он гравитационно искажал его, заставляя прямые углы кают-компания казаться Боброву слегка изогнутыми, вывернутыми наизнанку, словно в картинах безумных кубистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.